

ФИЛОСОФСКІЙ СКИТАЛЕЦЪ.

ПАМЯТИ Н. Я. ГРОТА.

(Окончаніе) ¹⁾.

Подвергнувъ критикѣ принципы, методы и результаты эмпирической психологіи, Н. Я. переходитъ къ разбору современной фізіологической и экспериментальной психологіи, понятія которыхъ онъ пока отождествляетъ.

Если эмпирическая психологія изслѣдуетъ душевныя состоянія только въ ихъ взаимной связи, то современная *фізіологическая и экспериментальная психологія* ставитъ своею задачей изучить ихъ въ связи съ „параллельными“ имъ тѣлесными процессами. Если для эмпириковъ основною идеей служить понятіе психическаго „явленія“, то для психофізіологовъ такою идеей служить понятіе „*параллелизма*“ психическихъ и фізіологическихъ явленій. Теоретическій принципъ психофізіологовъ, очевидно, сводится къ тому - же феноменизму, только съ тѣмъ различіемъ, что они изслѣдуютъ не одинъ рядъ „явленій“, какъ эмпирики, а два параллельныхъ ряда; но ихъ постановка психологическихъ задачъ, повидимому, гораздо глубже. Они не хотятъ ограничиваться простою классификаціей душевныхъ процессовъ и формулировкой ихъ эмпирическихъ отношеній: они желаютъ *объяснить* эти процессы, — объяснить изъ сопровождающихъ ихъ фізіологическихъ перемѣнъ. Однако, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Идея психофізіологическаго параллелизма заимствована изъ геометріи и сама по себѣ представляетъ не болѣе, какъ метафору. Но для того, чтобы метафора могла

1) См. Богосл. Вѣстн., ноябрь, стр. 510—527

служить сколько-нибудь удовлетворительною научной формулой, она должна сколько-нибудь соответствовать выражаемымъ ею дѣйствительнымъ отношеніямъ. Психическія и фізіологическія явленія можно было бы сравнить съ двумя параллельными линиями, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если-бы они протекали въ одной плоскости и никогда не встрѣчались другъ съ другомъ. Но гдѣ-же общая плоскость для этихъ явленій и гдѣ границы, способныя ихъ отдѣлять? Назвать общею ихъ плоскостью сознание, въ которомъ они одинаково отражаются, можно было-бы только въ шутку, а допустить, что они никогда не встрѣчаются, нельзя уже потому, что всѣ физическія явленія мыслятся нами въ терминахъ психическихъ и принадлежатъ въ той формѣ, въ какой мы ихъ знаемъ, лишь къ области нашихъ представленій. Душевные явленія сопровождаются физическими переменными во внѣшней средѣ и фізіологическими процессами въ организмѣ,—что это значитъ? Это значитъ только то, что наблюдая свои представленія, мы во многихъ случаяхъ замѣчаемъ, что воспріятія внутреннихъ переменъ въ душевныхъ состояніяхъ сопровождаются воспріятіемъ извѣстныхъ измѣненій въ тѣхъ представленіяхъ, которыя мы добываемъ изъ внѣшняго опыта. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ параллелизмомъ двухъ разнородныхъ группъ вещей, а съ взаимодействіемъ двухъ по существу однородныхъ группъ воспріятій или представленій. Вопросъ объ отношеніи психическихъ и фізіологическихъ явленій можетъ быть разрѣшенъ не на почвѣ геометрическихъ аксіомъ, а лишь на почвѣ психологическихъ и теоретико-познавательныхъ принциповъ: это вопросъ объ отношеніи самосознанія и сознанія, опыта внутренняго и опыта внѣшняго.

Но допустимъ, что идея психофізіологическаго параллелизма правильно выражаетъ взаимное отношеніе душевныхъ и тѣлесныхъ явленій: можно-ли согласиться съ тѣмъ, что она объясняетъ его? Если мы будемъ понимать эту идею въ томъ смыслѣ, въ какомъ принципиально желали-бы понимать ее психофізіологи, т. е. будемъ видѣть въ ней только формулу для чисто феноменальныхъ отношеній, то она, конечно, ничего не объясняетъ намъ. Въ этомъ видѣ она только констатируетъ фактъ, что двѣ группы извѣстныхъ „явленій“ существуютъ совмѣстно другъ съ другомъ, что одна изъ

психъ неизбежно сопровождаетъ другую. Но что значить ихъ совмѣстное существованіе, почему психическія явленія сопровождаются фізіологическими или наоборотъ,—это остается загадкой. Чтобы объяснить взаимное отношеніе этихъ „параллельныхъ“ явленій, нужно поставить ихъ въ причинную связь, т. е. показать, что одни изъ нихъ суть продукты или дѣйствія другихъ. Между тѣмъ, установить причинную связь между душевными и тѣлесными явленіями значить выйти за предѣлы чисто феноменальныхъ отношеній и превратить идею психофізіологическаго параллелизма изъ эмпирической формулы въ метафизическую гипотезу. Всѣ метафизическія рѣшенія вопроса о связи души и тѣла сводятся къ слѣдующимъ четыремъ гипотезамъ: 1) *материализму*, съ точки зрѣнія котораго психическія явленія суть продукты фізіологическихъ процессовъ; 2) *спиритуалистическому монизму* или *панпсихизму*, съ точки зрѣнія котораго, наоборотъ, фізіологическія явленія суть продукты психическихъ процессовъ; 3) *дуализму*, съ точки зрѣнія котораго психическія и фізіологическія явленія суть продукты двухъ по существу разнородныхъ началъ, связанныхъ постояннымъ взаимодействіемъ; 4) *пантеистическому монизму* или „*спинозизму*“, съ точки зрѣнія котораго эти явленія суть продукты одного и того-же, по существу безразличнаго принципа, обнаруживающагося въ двухъ различныхъ феноменальныхъ формахъ.—духовной и матеріальной. Къ какой-же изъ этихъ гипотезъ примыкаетъ идея психофізіологическаго параллелизма? Сама по себѣ она, безъ сомнѣнія, можетъ быть истолкована въ смыслѣ каждой изъ нихъ. Будутъ-ли психическія и фізіологическія явленія продуктами двухъ различныхъ началъ или одного начала, будетъ-ли это начало матеріальнымъ, духовнымъ или безразличнымъ по существу, они, какъ явленія, во всѣхъ случаяхъ могутъ быть параллельны другъ другу. Но если въ принципѣ идея параллелизма допускаетъ всѣ возможные метафизическія истолкованія, то на дѣлѣ она понимается въ одномъ и совершенно опредѣленномъ смыслѣ: она есть не что иное, какъ замаскированный материализмъ. Правда, современные психофізіологи не хотятъ открыто сознаться въ своихъ материалистическихъ тенденціяхъ; но ихъ методы достаточно ясно разоблачаютъ сущность ихъ взглядовъ. Какую-бы область психофізіологиче-

снхъ изслѣдованій мы ни взяли, вездѣ мы видимъ попытки сведенія психическихъ фактовъ къ физиологическимъ. Сознаніе для психофизиологовъ есть только „эпифеноменъ“ или (по толкованію Н. Я) второстепенное проявленіе физиологическихъ состояній: процессы ощущенія, мышленія, инперцепціи, вниманія, памяти, наслѣдственности, творчества, наконецъ, чувства и воли, по ихъ мнѣнію, также обусловлены взаимодействіемъ физиологическихъ причинъ. Современная экспериментальная психофизиологія всецѣло основана на убѣжденіи въ возможности объяснить душевную жизнь изъ физиологическаго механизма и примѣнить къ ея изслѣдованію тѣ самые методы и приемы, какіе употребляются при изученіи физическихъ явленій. Даже конечная задача психологическаго изслѣдованія совершенно отождествляется съ задачами физиолога и физики, т. е. полагается въ томъ, чтобы измѣрить душевныя явленія и свести ихъ къ математическимъ формуламъ механизма. Правда, психофизиологи измѣряютъ душевныя явленія не какъ пространственныя, а какъ временныя величины; но считая время общею формою психическихъ и физиологическихъ процессовъ, они дѣлаютъ это различіе чисто фиктивнымъ. Вѣдь, время есть только мѣра движенія въ пространствѣ, мѣра преодоленія разстоянія и сопротивленія пространственныхъ и матеріальныхъ тѣлъ. Поэтому признать время формою и мѣриломъ душевныхъ явленій значитъ отождествить ихъ съ пространственными и матеріальными тѣлами. Однако, можно-ли материалистически объяснить душевную жизнь? Научные итоги материализма въ настоящее время уже подведены и обнаружилъ полное его банкротство. Материализмъ не объясняетъ душевныя явленія, а попросту уничтожаетъ ихъ, превращая эти явленія въ призранныя формы физическихъ процессовъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ все существующее познается нами въ видѣ нашихъ воспріятій, представленій, психическихъ актовъ, и, опираясь на эту теоретико-познавательную аксіому, можно скорѣе доказать, что физическіе процессы суть призранныя формы душевныхъ явленій, чѣмъ наоборотъ. Въ дѣйствительности душевныя явленія не сводимы къ физиологическимъ процессамъ, а физиологическіе процессы не сводимы къ душевнымъ явленіямъ, и психофизиологи, дѣлая материализмъ своимъ теоретическимъ прии-

ципомъ, точно такъ-же противорѣчатъ фактамъ, какъ и защитники противоположнаго взгляда,—спиритуалистическаго монизма или панпсихизма. Отсюда, приемы и методы ихъ психологическихъ изслѣдованій представляютъ сплошное недоразумѣнiе. Психофизиологи хотять понять законы душевной жизни, изучая при помощи сложныхъ экспериментовъ ея физиологическiй механизмъ; но они не спрашиваютъ себя, откуда исходятъ дѣйствiя этого механизма, не являются-ли сами они продуктомъ духа, идей, чувствъ и воли экспериментаторовъ и экспериментируемыхъ субъектовъ? Они опускаютъ изъ виду, что физиологическiе процессы, можетъ быть, суть только звенья во взаимодѣйствiи духовныхъ силъ между собою. Заключая о зависимости душевныхъ явленiй отъ предшествующихъ имъ физиологическiхъ процессовъ, они мыслятъ по образцу тѣхъ поверхностныхъ и некритическихъ умовъ, логика которыхъ исчерпывается соображенiемъ: *post hoc, ergo propter hoc*. Что касается въ частности ихъ попытокъ измѣрить душевныя состоянiя, то теоретически эти попытки такъ-же мало обоснованы, какъ и остальные ихъ взгляды. Психофизиологи утверждаютъ, что время есть форма психической жизни, наравнѣ съ материальнымъ бытiемъ; но доказанъ-ли этотъ взглядъ? Категория времени требуетъ внимательнаго изслѣдованiя и результаты этого изслѣдованiя могутъ быть совсѣмъ не въ пользу психофизиологическiхъ теорiй. Если-бы оказалось, что эта категория вовсе не приложима къ психическимъ явленiямъ, а ограничивается только областью физическiхъ и физиологическiхъ процессовъ, то психометрическiя изслѣдованiя были-бы невозможны въ принципѣ: тогда физиологи должны были-бы признать, что они измѣряютъ не время душевныхъ состоянiй, а только время сопутствующихъ имъ физиологическiхъ процессовъ.

Итакъ, современная экспериментальная психофизиология кажется Н. Я. такъ-же бесплодной, какъ и эмпирическая психология. Ея теоретическiе принципы не способны объяснить душевную жизнь или могутъ дать ей только ложное, материалистическое объясненiе: ея результаты ничтожны и имѣютъ скорѣе физиологическiй, чѣмъ психологическiй интересъ.

Можно-ли согласиться съ этими безотрадными выводами?

Также не вполне. Приемы и результаты современной экспериментальной и физиологической психологии, без сомнения, очень спорны и требуют серьезного критического пересмотра. Попытки такого пересмотра предпринимались уже не раз, и Н. Я. отчасти лишь повторяет те аргументы, какие приводились ранее его другими ¹⁾. Но, к сожаленью, он повторяет и те ошибки, в какие впадали его предшественники. Поэтому, как бы ни были ценны его критические замечания, они требуют некоторых существенных поправок. Прежде всего Н. Я. не верно отождествляет понятия „экспериментальной“ и „физиологической“ психологии. Первое понятие гораздо шире второго, потому что психология может быть (да фактически и бывает) экспериментальной, не будучи физиологической, т. е. не прибегая для экспериментального изучения душевной жизни к физиологическим средствам. Впрочем, как увидим, Н. Я. вскоре сам убедился в этом различии. Даже самое понятие „физиологической психологии“ требует более точного определения. Подъ этим широким понятием въ настоящее время разумются три различных дисциплины или три особых направления психологического изслѣдованія: „психофизиология“ въ тѣсномъ смыслѣ слова, изучающая физиологическія условія душевной жизни и главнымъ образомъ нервную систему; „психофизика“, изучающая психические процессы путемъ искусственнаго измѣненія ихъ физическихъ и физиологическихъ условій; и „патопсихология“, изучающая душевные процессы при помощи патологическихъ наблюдений и экспериментовъ и сосредоточенная преимущественно на изслѣдованіи гипнотизма. Эти три направленія рѣшаютъ разныя проблемы, примѣняютъ различныя методы и потому требуютъ различной критической оцѣнки. Далѣе, если Н. Я. разумѣетъ подъ физиологическою психологіей не вульгарныя теоріи физиологовъ *pro sano*, а изслѣдованія психологовъ, пользующихся физиологіей, какъ вспомогательнымъ средствомъ, то онъ не совсѣмъ правильно понимаетъ ее задачи. Онъ упрекаетъ психофизиологовъ (бу-

¹⁾ Въ нашей литературѣ имѣемъ въ виду прежде всего интересную и ценную книгу проф. М. А. Остроумова „О физиологическомъ методѣ въ“

демя называть ихъ этимъ не вполне точнымъ, но общепринятымъ именемъ) въ томъ, что ихъ идея параллелизма не объясняетъ отношенія душевныхъ и тѣлесныхъ явленій по существу. Это, конечно, правда; но дѣло въ томъ, что психофизиологи научнаго типа и не ставятъ себѣ этой задачи. Они хотятъ объяснить не субстанціальное отношеніе душевныхъ явленій къ физиологическимъ, а эмпирическое отношеніе душевныхъ явленій другъ къ другу при помощи взаимнаго отношенія параллельныхъ имъ физиологическихъ процессовъ. Другими словами, ихъ цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы вывести психическія явленія изъ свойствъ матеріи, а въ томъ, чтобы сдѣлать извѣстныя опытные заключенія объ измѣненіяхъ психическихъ явленій на основаніи сопровождающихъ ихъ физиологическихъ перемѣнъ. Эти двѣ задачи не всегда ясно формулируются и потому нерѣдко смѣшиваются, но въ дѣйствительности между ними существуетъ громадное различіе. Если въ первомъ случаѣ между душевными и физиологическими явленіями предполагалась бы причинная зависимость, то во второмъ между ними допускается только общепризнанное отношеніе совместнаго существованія и взаимодействія. Если въ первомъ случаѣ между этими явленіями устанавливается-бы функціональная связь въ біологическомъ значеніи этого слова, то во второмъ случаѣ функціональное отношеніе ихъ понимается лишь въ математическомъ смыслѣ: объ группы явленій разсматриваются какъ двѣ параллельно существующія перемѣняющіяся величины. Если въ первомъ случаѣ идея психофизиологическаго параллелизма дѣйствительно превращалась-бы въ метафизическую гипотезу и была-бы замаскированнымъ матеріализмомъ, то во второмъ она остается только эмпирическою формулою, имѣющею исключительно методологическое значеніе. Пояснимъ это различіе примѣромъ. При помощи извѣстныхъ экспериментальныхъ приѣмовъ психофизиологъ вызываетъ рядъ постепенно возрастающихъ раздраженій въ области какого-нибудь органа чувствъ и наблюдаетъ соотвѣтствующія этимъ раздраженіямъ ощущенія. На основаніи многочисленныхъ наблюденій такого рода онъ формулируетъ законъ, что если интенсивность раздраженія увеличивается въ геометрической прогрессіи, то интенсивность ощущенія возрастаетъ въ арифметической прогрессіи.

или, короче, ощущение возрастаетъ какъ логарифмъ раздраженія. О чемъ идетъ тутъ дѣло? О томъ-ли, чтобы объяснить природу ощущенія изъ природы физиологическаго раздраженія? О томъ-ли, чтобы показать, что ощущение есть не болѣе, какъ продуктъ матеріи? Разумѣется, нѣтъ. Дѣло идетъ только о томъ, чтобы прослѣдить измѣненія ощущенія въ связи съ параллельными измѣненіями раздраженія. Или возьмемъ хотя-бы тѣ психометрическія изслѣдованія, на которыя такъ нападаетъ Н. Я. Когда психофизиологъ измѣряетъ продолжительность волевой реакціи, различенія или ассоціаціи посредствомъ тѣхъ промежутковъ времени, которые отдѣляютъ движенія руки экспериментируемаго субъекта, пускающія въ ходъ и останавливающія электромагнитный механизмъ хроноскопа, то развѣ это значитъ, что онъ сводитъ данные психическіе факты къ физическимъ движеніямъ и электромагнитнымъ процессамъ? Онъ только заключаетъ о продолжительности первыхъ по продолжительности послѣднихъ на основаніи ихъ условной связи, подобно тому, какъ это мы дѣлаемъ на каждомъ шагу въ обыденной жизни. Психофизиологи не раздѣляютъ мнѣнія Н. Я., что время есть мѣра только пространственныхъ и матеріальныхъ движеній. Они наравнѣ съ осгальными людьми думаютъ, что время есть мѣра всякихъ измѣненій вообще, какъ физическихъ, такъ и психическихъ, и, измѣряя продолжительность физическихъ перемѣнъ, считаютъ себя въ правѣ сдѣлать выводъ, что такова-же продолжительность и тѣхъ психическихъ состояній, которыя начинаются и оканчиваются одновременно съ этими перемѣнами. Подъ именемъ „объясненія“ Н. Я. понимаетъ непременно лишь метафизическое объясненіе, т. е. выведеніе душевныхъ явленій изъ тѣлесныхъ причинъ, или наоборотъ. Психофизиологи-же допускаютъ только эмпирическія объясненія, т. е. простые выводы о соотношеніи психическихъ причинъ и дѣйствій на основаніи параллельнаго соотношенія физиологическихъ или физическихъ причинъ и дѣйствій. Они разсуждаютъ такъ: психическія состоянія иногда, а можетъ быть и всегда, сопровождаются физиологическими измѣненіями, и обратно. Что значитъ эта связь, мы не знаемъ: объясняется-ли она тѣмъ, что психическія явленія суть продукты физиологическихъ, или тѣмъ, что физиологическія явленія суть продукты

психическихъ, или какимъ-нибудь другимъ способомъ, этотъ вопросъ не разрѣшимъ для науки. Но признавая фактъ, какъ онъ есть, мы получаемъ средство заключать о соотношеніи психическихъ явленій на основаніи соотношенія параллельныхъ имъ физиологическихъ процессовъ. Вотъ все. Насколько далеко простирается въ дѣйствительности параллелизмъ душевныхъ и физиологическихъ явленій, насколько цѣлесообразны тѣ методы, при помощи которыхъ психофизиологи изучаютъ факты этого параллелизма, и насколько цѣнны тѣ результаты, къ которымъ они приходятъ, это, конечно, другой вопросъ, и вотъ на этомъ именно вопросѣ должно быть сосредоточено вниманіе ихъ критиковъ. Мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что безпристрастная критика современной физиологической психологіи обнаружила-бы въ ея методахъ немало ошибокъ, а въ ея результатахъ много бесполезнаго хлама; но мы не думаемъ, чтобы эта критика показала, что всѣ методы психофизиологовъ безусловно ошибочны и всѣ ихъ результаты ничтожны. Если современная психофизиологія мозга бродитъ въ потемкахъ, оперируетъ съ шаткими гипотезами и не столько объясняетъ психологическіе факты изъ физиологическихъ наблюденій, сколько выражаетъ физиологическія наблюденія въ психологическихъ терминахъ, то психофизиологія органовъ чувствъ, психофизика и патопсихологія успѣли обогатить насъ множествомъ очень цѣнныхъ открытій. Достаточно констатировать тотъ фактъ, что теперешняя психологія ощущеній почти всецѣло создана основателями физиологической психологіи, Гельмгольцемъ, Фехнеромъ и Вундтомъ. Физиологія въ настоящее время является для метафизиковъ такимъ-же „жупеломъ“, какъ метафизика для физиологовъ и эмпириковъ; но они забываютъ, что призраки страшны не въ дѣйствительности, а только въ воображеніи. Злоупотреблять можно всѣмъ на свѣтѣ, въ томъ числѣ и физиологіей, но можно всѣмъ и воспользоваться для благихъ и разумныхъ цѣлей. Все зависитъ оттого, какъ посмотрѣть на дѣло и въ какую сторону его направить.

Въ чемъ Н. Я. снова безусловно правъ, такъ это въ томъ, что наша мысль не можетъ удовлетвориться однимъ изслѣдованіемъ феноменальныхъ отношеній между душевными и физиологическими процессами и что вопросъ о субстанціаль-

номъ отношеніи ихъ такъ-же не устранимъ для психофизиолога, какъ и для психолога-эмпирика. Чѣмъ объяснить параллелизмъ душевныхъ и тѣлесныхъ явленій, какъ понять тотъ фактъ, что одни изъ нихъ сопровождаются другими и измѣняются въ связи между собой,—эта неразрѣшимая для опытной науки метафизическая проблема остается въ видѣ неизбежнаго осадка послѣ всѣхъ психофизиологическихъ изслѣдованій и настойчиво требуетъ какого-нибудь гипотетическаго разъясненія. Н. Я. съ замѣчательною ясностью формулировалъ тѣ четыре метафизическихъ гипотезы, которыя являются единственно возможными въ данномъ вопросѣ, и совершенно справедливо признать, что идея психофизиологическаго параллелизма можетъ быть истолкована въ смыслѣ каждой изъ нихъ. Но справедливо-ли онъ утверждаетъ, что на дѣлѣ психофизиологи допускаютъ только одну изъ этихъ логически мыслимыхъ гипотезъ,—материализмъ? Вотъ мнѣніе, съ которымъ мы опять не могли-бы согласиться. Что въ міросозерданіяхъ чистыхъ физиологовъ, не мудрствующихъ лукаво, материализмъ до сихъ поръ широко процвѣтаетъ, это фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію; но чтобы тѣхъ-же материалистическихъ взглядовъ держались и всѣ психологи физиологическаго направленія, это не вѣрно. Ни Гельмгольца, ни Фехнера, ни Вундта, ни Штумпфа, ни Эббингауза, ни Мюнстерберга, ни Джемса, ни даже Рибо нельзя назвать материалистами, а нѣкоторыхъ изъ нихъ нужно признать даже рѣшительными врагами материализма. Все это люди съ слишкомъ глубокимъ критическимъ умомъ и съ слишкомъ серьезнымъ философскимъ образованіемъ, чтобы поддерживать гипотезу, теоретическая невозможность которой въ настоящее время такъ очевидна. Есть психофизиологи, которые открыто защищаютъ дуализмъ (наприм., Джемсъ и Флурнуа); другіе-же, и пожалуй громадное большинство, примыкаютъ къ той гипотезѣ, которую Н. Я. называетъ пантеистическимъ монизмомъ или спинозизмомъ, а мы предпочли-бы назвать „психофизическимъ монизмомъ“. По этой гипотезѣ, ведущей свое начало отъ Спинозы и Шеллинга и воскрешенной въ новѣйшее время Фехнеромъ, основа душевныхъ и тѣлесныхъ явленій не материальна и не духовна, а представляетъ нераздѣльное единство духовнаго и материальнаго, психофизическое тожество.

Душевные и тѣлесныя явленія суть только двѣ стороны этой единой первоосновы, двѣ формы ея эмпирическаго обнаруженія, два способа ея воспріятія. Удовлетворительна-ли такая гипотеза? Мы не думаемъ этого. Напротивъ, было-бы не трудно показать, что она не выдерживаетъ критики ни съ эмпирической, ни съ чисто логической точки зрѣнія. Но какова-бы ни была эта гипотеза, она такъ-же далека отъ матеріализма, какъ и отъ другихъ метафизическихъ рѣшеній разсматриваемаго вопроса.

Вопросы, выдвинутые Н. Я. въ его критикѣ эмпирической и фізіологической психологіи, такъ интересны, важны и современны, что мы невольно остановились на нихъ значительно долѣе, чѣмъ этого, можетъ быть, требовала наша прямая задача. Возвратимся къ дальнѣйшему изложенію его взглядовъ.

Одинъ изъ доводовъ, выставленныхъ Н. Я. противъ фізіологической психологіи, состоитъ, какъ мы видѣли, въ томъ, что время, которое психофізіологи считаютъ общею формой душевныхъ и фізіологическихъ процессовъ, въ дѣйствительности есть философская проблема, которая можетъ быть рѣшена совсѣмъ не въ ихъ пользу; если-бы оказалось, что время не свойственно психическимъ состояніямъ и служитъ лишь мѣрой физическихъ движеній, тогда никакія психометрическія изслѣдованія не были-бы возможными. Но значеніе проблемы времени не ограничивается только этимъ частнымъ вопросомъ: по мнѣнію Н. Я., отъ того или иного рѣшенія ея зависитъ вся будущая судьба психологіи и метафизики. Въ самомъ дѣлѣ, современный взглядъ на время, какъ форму сознанія, съ одной стороны, „дастъ опору той эмпирической и ассоціативной психологіи, которая ошибочно думаетъ, что въ душевной жизни изученію доступны только явленія.—ряды событій во времени, а вѣвременноя сущность душевной жизни непознаваема“, съ другой.—„подрываетъ ученіе о вѣчныхъ и необходимыхъ формахъ чувственного познанія, мышленія, разсудочной дѣятельности, нравственной и эстетической оцѣнки,—вообще всѣ неписныя основы психологіи, логики, этики и эстетики, какъ наукъ о сверхвременныхъ формахъ и законахъ нашего духовнаго бытія“. Если мы предположимъ, что время не есть форма душевной жизни, то такая основная идея метафизики, какъ

идея безсмертія души, была-бы доказана сама собою; на-противъ, если мы допустимъ обратное положеніе, вѣра въ безсмертіе становится невозможною, а вмѣстѣ съ нею теряетъ всякую почву и вѣра въ вѣчную духовную основу всего существующаго, вѣра въ Бога. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній Н. Я. предпринимаетъ спеціальную работу *О времени*, въ которой пытается построить это понятіе на новыхъ началахъ ¹⁾.

Современное ученіе о времени обязано своимъ происхожденіемъ Канту. Въ своей „Критикѣ чистаго разума“ Кантъ хотѣлъ реформировать человѣческое познаніе и примирить эмпирическія задачи съ метафизическими идеалами; но онъ не могъ вполне освободиться изъ схоластическихъ сѣтей метафизики Вольфа и создалъ немало искусственныхъ схемъ и ложныхъ понятій, внесшихъ страшную путаницу въ умы его эпигоновъ. Къ числу такихъ ложныхъ понятій принадлежитъ его идея времени. Несмотря на свою схематическую ясность, эта идея, по мнѣнію Н. Я., полна глубокихъ противорѣчій. Кантъ опредѣляетъ время, какъ „воззрѣніе“ и *форму* внутренняго опыта и противопоставляетъ его пространству, какъ формѣ внѣшнихъ воспріятій; но въ то-же время онъ анализируетъ его, какъ простое *понятіе*, допускающее всѣ отношенія логическаго подчиненія и соподчиненія. Спрашивается, какъ возможно примирить эти два противоположныхъ взгляда? Вѣдь, если время есть форма внутренняго опыта, то оно не можетъ быть простымъ понятіемъ: въ этомъ случаѣ оно является русломъ, чрезъ которое течетъ вся душевная жизнь, включая сюда и сферу понятій. Если же время есть понятіе, то оно не можетъ быть формой внутренняго опыта: тогда оно представляетъ собой лишь одинъ изъ безчисленныхъ элементовъ нашей мысли, подчиненныхъ ея общимъ законамъ и формамъ. Разсматривая пространство и время, какъ понятія, Кантъ, безъ сомнѣнія, могъ усвоить имъ лишь субъективное значеніе; но, объявляя ихъ воззрѣніями и формами внѣшняго и внутренняго опыта, онъ неизбежно ихъ объективируетъ. Вѣдь, формы опыта не могутъ быть исключительно субъективными идеями: наряду съ субъективнымъ элементомъ въ нихъ должно быть объек-

¹⁾ *Вопросы философіи и психологіи*, 1894 г., кн. 23, 24 и 25

тивное содержаніе, и если это объективное содержаніе таково, что оно укладывается въ рамки времени и пространства, то оно, очевидно, само по себѣ должно имѣть временную и пространственную природу. Такимъ образомъ, время, по мнѣнію Канта, есть, съ одной стороны, только субъективная мысль, съ другой—не только субъективная мысль, но и объективное явленіе. Какъ можетъ быть мыслимо понятіе, въ которомъ соединяются такія противорѣчія? Кантъ называетъ время и пространство апріорными категоріями и считаетъ ихъ предшествующими *всякому* опыту. Но можно-ли понимать апріорность въ такомъ безусловномъ смыслѣ? Апріорная категорія, данная ранѣе всякаго опыта, есть совершенно немислимая вещь. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ могла-бы быть такая категорія? Понятіемъ? Но понятіе есть уже эмпирическое обнаруженіе сознанія; оно представляетъ собою извѣстный опытъ мысли. Эмпирическою формой? Но эмпирическая форма невозможна безъ эмпирическаго содержанія и неизбежно предполагаетъ какой-нибудь заполняющій ее опытъ. Какой это опытъ, понятно само собою. Такъ-какъ апріорныя категоріи предшествуютъ внѣшнему опыту, то имъ самимъ можетъ предшествовать только внутренній опытъ, т. е. наше сознаніе съ приращеннымъ ему содержаніемъ. Такимъ образомъ, время апріорно лишь по отношенію къ внѣшнему опыту. Что-же касается внутренняго опыта, то онъ самъ апріоренъ по отношенію къ времени. Психическая жизнь должна мыслиться и существовать ранѣе этой идеи и независимо отъ нея. Наконецъ, Кантъ опустилъ изъ виду одну совершенно очевидную вещь. Онъ считалъ время формой психическихъ процессовъ, а пространство формою внѣшнихъ, физическихъ явленій; но онъ забылъ, что все, существующее во времени, существуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ пространствѣ, и все, пребывающее въ пространствѣ, протекаетъ также во времени. Какой-бы временный процессъ вы ни взяли, при ближайшемъ анализѣ вы всегда найдете въ немъ смѣну пространственныхъ состояній, а каждое пространственное состояніе вы можете разложить на временные моменты. Время и пространство неотдѣлимы другъ отъ друга. Такимъ образомъ, получается слѣдующая дилемма. Если психическая жизнь существуетъ во времени, то она существуетъ и въ пространствѣ; если-же она существуетъ

за предѣлами пространства, то она должна быть и за предѣлами времени. Для Канта нѣтъ выхода изъ этой дилеммы, и чтобы разрѣшить ее, необходима новая теорія времени.

Всѣ объективные процессы мы воспринимаемъ въ формѣ нашихъ субъективныхъ состояній и актовъ. По своей природѣ эти состоянія потенциально присущи сознанию и нашъ опытъ есть не что иное, какъ постепенная реализація ихъ подъ вліяніемъ взаимодѣйствія сознания съ окружающимъ міромъ. Время и пространство не составляютъ исключенія изъ этого всеобщаго и безусловнаго закона: они суть наши субъективныя представленія, въ которыхъ мы воспринимаемъ объективныя воздѣйствія матеріи на нашу душевную энергію. Пространство есть субъективное представленіе или воспріятіе матеріи въ покоѣ, время есть субъективное представленіе той-же матеріи въ движеніи. А такъ-какъ и матерія, и движеніе познаются нами лишь чрезъ посредство нашихъ органовъ чувствъ и нервной системы, то можно также сказать, что пространство есть субъективное воспріятіе измѣненій нервной системы при взаимодѣйствіи сознания съ матеріей въ покоѣ, а время есть субъективное воспріятіе тѣхъ-же физиологическихъ процессовъ при взаимодѣйствіи сознания съ матеріей въ движеніи. Но если пространство и время являются субъективными представленіями или воспріятіями физиологическихъ измѣненій и состояній покоящейся и движущейся матеріи, то они, очевидно, не могутъ имѣть объективнаго существованія: они выражаютъ такіе объективные феномены, которые не имѣютъ никакого сходства съ ними. Такимъ образомъ, идея времени, какъ и идея пространства, имѣетъ исключительно субъективный характеръ. Правда, мы можемъ допустить для нея извѣстный объективный коррелятъ; но, во первыхъ, этотъ коррелятъ совершенно разнороденъ съ нею, во вторыхъ, онъ существуетъ не въ области внутренняго опыта, а только во внѣшнемъ мірѣ,—въ системѣ матеріальныхъ движеній, подъ вліяніемъ которыхъ именно и образуется эта идея. Вотъ почему объективную мѣрой времени всегда служитъ какая-нибудь единица пространственнаго и матеріальнаго движенія. Тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ фактами непространственнаго и нематеріальнаго порядка, мы воспринимаемъ ихъ помимо

представленія времени; а такъ-какъ время есть только форма представленія дѣйствительности, а не форма ея бытія, то тамъ, гдѣ нѣтъ представленія времени, не можетъ быть и самого времени. Такою именно сферой непространственныхъ и нематеріальныхъ процессовъ является нашъ душевный міръ. Ни одно изъ психическихъ состояній не имѣетъ пространственныхъ формъ, и ни одно изъ нихъ *само по себѣ* не имѣетъ временной продолжительности. Мы находимъ въ нашемъ внутреннемъ опытѣ множество „элементовъ“ сознанія, но этимъ элементамъ нельзя указать ни мѣста, ни пространственныхъ границъ въ психической средѣ. Равнымъ образомъ, мы находимъ здѣсь множество „моментовъ“ сознанія, но эти моменты связаны между собою не временнымъ преемствомъ, а независящими отъ всякаго времени психологическими, логическими, эстетическими и этическими отношеніями. Временная продолжительность и временное преемство свойственны не психическимъ процессамъ, а тѣмъ фізіологическимъ перемѣнамъ и физическимъ движеніямъ, въ связи съ которыми они совершаются и воспринимаются нами. Поэтому, усваяя время психическимъ процессамъ, мы только безсознательно переносимъ его изъ матеріальнаго міра въ нашъ душевный міръ,—подобно тому, какъ мы переносимъ самыя психическія явленія за предѣлы сознанія и локализуемъ ихъ во внѣшнемъ пространствѣ. Время и пространство душевныхъ состояній не дѣйствительныя, а только кажущіяся: это—„псевдо-время“ и „псевдо-пространство“. Сама по себѣ душевная жизнь совершается абсолютно за предѣлами этихъ представленій, и въ ней открывается намъ истинная природа всякаго духовнаго бытія.—сверхпространственная и сверхвременная природа.

Ученіе Н. Я. о времени, равно какъ и его критика Канта, представляютъ немало своеобразнаго и еще болѣе спорнаго. Мы не будемъ входить въ подробную оцѣнку его воззрѣній, потому что это завело-бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся только однимъ замѣчаніемъ. Въ основѣ теоріи Н. Я. лежитъ тезисъ, что все, существующее во времени, неизбежно существуетъ также въ пространствѣ, и наоборотъ. Но доказанъ-ли имъ этотъ тезисъ? Собственно говоря, нѣтъ. Какъ это ни странно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ чисто догматическимъ положеніемъ, которое приходится принимать на

вѣру въ слѣдствіе его мнимой „очевидности“. Мало того: этотъ догматическій тезисъ и не можетъ быть доказаннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы совершенно не знаемъ, существуетъ-ли время въ пространственномъ мірѣ, насколько онъ мыслимъ за пределами нашихъ душевныхъ состояній; между тѣмъ, время непространственныхъ душевныхъ состояній есть очевиднѣйшій фактъ нашего внутренняго опыта. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что наши психическіе процессы смѣняются другъ друга, что ихъ смѣна совершается быстро и медленно, что ихъ отдѣляютъ длинныя или короткіе промежутки. Эта временная смѣна психическихъ состояній наблюдается не только въ связи съ фізіологическими и физическими измѣненіями, но и совсѣмъ независимо отъ нихъ. О фізіологическихъ измѣненіяхъ, сопровождающихъ душевные процессы мы можемъ ничего не знать, а параллельныя физическія перемѣны могутъ отсутствовать или ускользать отъ нашего вниманія; и тѣмъ не менѣе временное теченіе душевныхъ событій всегда ясно сознается нами. Конечно, мы измѣряемъ время психическихъ, равно какъ и физическихъ, процессовъ посредствомъ пространственныхъ движеній; но развѣ отсюда слѣдуетъ, что время существуетъ только въ предѣлахъ пространства? Вѣдь, кромѣ объективнаго, пространственнаго измѣренія время имѣетъ субъективную, непространственную мѣру: какъ показываютъ психологическія наблюденія, мы субъективно опредѣляемъ его на основаніи чувства усилія, сопровождающаго извѣстную психическую работу. Чѣмъ замѣтнѣе это чувство усилія, тѣмъ продолжительнѣе кажется намъ работа сознанія; чѣмъ оно слабѣе, тѣмъ психическая работа представляется быстрѣе и короче. Эта субъективная оцѣнка времени не только не зависитъ отъ объективныхъ измѣреній, но даже не всегда совпадаетъ съ ними. Когда намъ приходится съ трудомъ преодолевать какія-нибудь препятствія или бороться со скукой, время, какъ это всѣмъ извѣстно, тянется для насъ безконечно медленно; напротивъ, когда препятствія побѣждаются легко или когда наша мысль занята смѣльной пріятныхъ впечатлѣній, не требующихъ никакихъ умственныхъ усилій, время летитъ почти незамѣтно. Не свидѣтельствуютъ-ли эти факты о томъ, что время есть неизбѣжное свойство психическихъ процессовъ, что оно является только субъективнымъ эквивалентомъ работы сознанія, для котораго

объективныя измѣренія служатъ лишь искусственными и условными рамками? Такимъ образомъ, основное положеніе Н. Я. не выдерживаетъ критики, а вмѣстѣ съ нимъ должна пасть и вся его теорія.

Какъ мы видѣли, ученіе Н. Я. о времени возникло изъ критическихъ и метафизическихъ побужденій. Онъ хотѣлъ въ немъ, съ одной стороны, опровергнуть феноменизмъ современной психологіи, съ другой создать основу для построенія нѣкоторыхъ метафизическихъ идей и прежде всего идеи безсмертія. Насколько эти задачи дѣйствительно оправдывали его предпріятіе.—это, конечно, вопросъ. Психологическій феноменизмъ едва-ли стоитъ въ тѣсной связи съ проблемою времени и, какъ превосходно показалъ самъ Н. Я. въ своей критикѣ эмпирической психологіи, его можно опровергнуть, не касаясь этой проблемы. Идея безсмертія также не требовала радикальной реформы общепринятыхъ представленій о времени. Вѣдь, если безсмертіе есть только вѣчное существованіе человѣческой души, то это вѣчное существованіе можетъ быть мыслимо какъ безконечное время. Если-же безсмертіе есть не только вѣчное, но и безвременное бытіе духа, то трансцендентная безвременность нисколько не противорѣчитъ временному характеру душевной жизни въ предѣлахъ опыта. Какъ-бы то ни было, Н. Я. руководился этими именно мотивами. Разрушить современное феноменистическое міровоззрѣніе и построить на его развалинахъ метафизическую теорію дѣйствительности,—вотъ цѣль, къ которой онъ стремился. Онъ отдавался этой задачѣ со всѣмъ свойственнымъ ему увлеченіемъ, и казалось, что онъ останется вѣренъ ей до конца. Почва для метафизическихъ построеній была имъ расчищена, элементы для нихъ были даны въ его прежнихъ сочиненіяхъ; оставалось только переработать эти элементы и объединить ихъ въ цѣльную систему. Однако на дѣлѣ вышло иначе. Именно въ это время Н. Я. пережилъ новый умственный кризисъ, совершенно измѣнившій его настроеніе и идеи.

Изучая современную психологію въ критическихъ и метафизическихъ цѣляхъ, Н. Я. неожиданно для себя самого очутился въ плѣну у того врага, котораго онъ считалъ побѣжденнымъ. Чѣмъ болѣе онъ знакомился съ новѣйшими психологическими изслѣдованіями, тѣмъ болѣе онъ убѣж-

дался, что они далеко не такъ безплодны, какъ это ему казалось. Онъ увидѣлъ, что современная психологія чужда тѣхъ схоластическихъ приемовъ, въ которыхъ онъ ее упрекалъ. Она не только обогатила насъ цѣлымъ рядомъ очень важныхъ эмпирическихъ наблюдений, но выработала новые методы изслѣдованія и стала экспериментальною наукой. Цѣлесообразное примѣненіе эксперимента въ области душевныхъ явленій обѣщаетъ психологін блестящую будущность, а достигнутые этимъ методомъ результаты уже теперь проливаютъ новый свѣтъ на законы психической жизни. Мало того: Н. Я. нашелъ, что современная психологія не противорѣчитъ даже тѣмъ метафизическимъ идеаламъ, къ которымъ онъ стремился. Какъ мы видѣли, критика психологическаго феноменизма привела его къ тому заключенію, что въ душевной жизни нѣтъ границъ между сущностью и явленіемъ. Въ психическихъ явленіяхъ мы непосредственно познаемъ ихъ сущность, а психическая сущность непосредственно открывается въ своихъ явленіяхъ. Но если такъ, то какая-же разница между эмпирическимъ и метафизическимъ изученіемъ душевной жизни? Если старая метафизическая психологія изучала душевную сущность, то не значить-ли это, что она изучала вмѣстѣ съ тѣмъ и душевныя явленія? И если современная опытная психологія изслѣдуетъ душевныя явленія, то не выходитъ-ли отсюда, что она изслѣдуетъ въ то-же время и душевную сущность? Чтобы уничтожить всякое различіе между ними, нужно только устранить изъ психологін двусмысленное понятіе явленія. Психологъ долженъ изучать не психическія явленія и сущности сами по себѣ, а живые, конкретные психическіе *факты*, отъ которыхъ абстрагированы эти идеи. Такъ именно и понимаетъ дѣло, по мнѣнію Н. Я., современная *экспериментальная* психологія. Она не дѣлитъ психическіе процессы на абстрактные элементы, а рассматриваетъ ихъ въ томъ цѣльномъ видѣ, какъ они совершаются на самомъ дѣлѣ; и этимъ она не только уясняетъ ихъ эмпирическія отношенія, но и пролагаетъ путь къ познанію ихъ истинной метафизической природы. Придя къ такимъ выводамъ, Н. Я. совершенно измѣняетъ свое отношеніе къ современной психологін. Если ранѣе онъ былъ искреннимъ и ожесточеннымъ противникомъ этой науки, то теперь онъ становится такимъ-же искреннимъ и горячимъ

ея другомъ. Въмѣсто того, чтобы продолжать разработку метафизическихъ вопросовъ, онъ круто поворачиваетъ на дорогу опыта и ставитъ своею задачей уяснить методы и принципы психологическихъ изслѣдованій. Правда, метафизическія идеи, и въ особенности идея безсмертія, не утрачиваютъ для него всякаго интереса; но это скорѣе платоническій, чѣмъ дѣйствительный интересъ.

Если психологіи суждено стать точною наукой, то ея методомъ долженъ быть тотъ, который она примѣнила съ выдающимся успѣхомъ въ послѣднее время и которымъ уже давно пользуется естествознаніе,—т. е. экспериментъ. Что-же такое психологическій экспериментъ и насколько онъ въ дѣйствительности возможенъ? Вотъ вопросъ, который Н. Я. хочетъ разрѣшить въ своей статьѣ *Основанія экспериментальной психологіи* ¹⁾. Однимъ изъ очень распространенныхъ предразсудковъ нашего времени является мнѣніе, что психологическій экспериментъ совершенно противоположенъ старому методу самонаблюденія и совпадаетъ съ методами современной психофизиологіи и психофизики. Происхожденіе такого взгляда легко понять. Съ одной стороны самонаблюденіе было такъ дискредитировано старою психологіей и подвергалось такимъ нападкамъ со стороны ея противниковъ, что найти въ немъ какое-нибудь сходство съ научнымъ методомъ психологическаго изслѣдованія представлялось напередъ невозможнымъ. Съ другой стороны, психофизическіе и психофизиологическіе опыты были первымъ примѣненіемъ экспериментальнаго метода къ изученію душевныхъ явленій и потому естественно казались единственно возможною его формой. Однако въ дѣйствительности этотъ взглядъ совершенно ошибоченъ. Связь психологическаго эксперимента съ самонаблюденіемъ въ настоящее время уже признана самыми выдающимися психологами экспериментальнаго направленія. Въ самомъ дѣлѣ, психологическій экспериментъ есть не что иное, какъ наблюденіе душевныхъ процессовъ при искусственно измѣненныхъ условіяхъ. Между тѣмъ, наблюдать душевные

¹⁾ *Вопросы философіи и психологіи*, кн. 30, 1895 г. Эта превосходная статья приложена въ качествѣ введенія къ русскому переводу *Очерка психологіи* Вундта, изданному Московскимъ Психологическимъ Обществомъ подъ редакціей Н. Я.

процессы мы можемъ только тогда, когда они одновременно съ этимъ до нѣкоторой степени переживаются нами самими. Каждое психологическое наблюдение должно пройти черезъ горнило нашего внутренняго опыта, чтобы сдѣлаться вполне понятнымъ для насъ: каждое психологическое наблюдение есть въ основѣ самонаблюдение. Психологическій экспериментъ отличается отъ простаго самонаблюдения только тѣмъ что здѣсь наблюдаемыя явленія возникаютъ не сами по себѣ въ ихъ случайной связи, а вызываются искусственно, измѣняются намѣренно, изучаются заразъ нѣсколькими лицами и истолковываются на основаніи тщательной и многократной провѣрки. Это—самонаблюдение методическое, коллективное и обставленное научными гарантіями. Менѣе очевиднымъ представляется различіе психологическаго эксперимента отъ психофизиологическаго и психофизическаго. Какъ ни кажется страннымъ, эти методы смѣшиваются даже такими психологами, которые считаютъ самонаблюдение основой психологическаго эксперимента. Такъ, наприм., Вундтъ рѣшительно убѣжденъ, что экспериментальное изучение душевной жизни невозможно безъ помощи физики и физиологій. Того-же взгляда, какъ мы видѣли, держался ранѣе и самъ Н. Я.: подвергая критикѣ современную физиологическую психологію, онъ разумѣлъ подъ нею экспериментальную психологію въ широкомъ смыслѣ этого слова. Теперь онъ отказывается отъ этого ошибочнаго мнѣнія. Допустимъ, что психологическій экспериментъ дѣйствительно невозможенъ безъ физическихъ и физиологическихъ средствъ: развѣ это даетъ право отождествлять экспериментальную психологію съ психофизикой и психофизиологіей? Вѣдь, не называемъ-же мы химию „психохиміей“ изъ-за того, что химическіе анализы невозможны безъ психическихъ актовъ ощущенія, представленія, вниманія, мысли. Характеръ научнаго метода опредѣляется не столько тѣми средствами, которыя онъ примѣняетъ, сколько тѣми задачами, которыя онъ долженъ разрѣшить. Психологъ можетъ ставить себѣ три экспериментальныхъ задачи: 1) онъ можетъ изслѣдовать связь психическихъ процессовъ съ окружающею насъ *физическою* средой; 2) онъ можетъ изслѣдовать связь ихъ съ *физиологическими* процессами въ нашемъ организмѣ; и, наконецъ, 3) онъ можетъ изучать связь этихъ явленій *между собою*. Если въ первыхъ двухъ

случаяхъ онъ будетъ изслѣдовать психофизическія и психофизиологическія проблемы, то въ послѣднемъ случаѣ онъ имѣетъ дѣло съ чисто психологическою задачей. Поэтому, каковы-бы ни были средства, при помощи которыхъ онъ станетъ рѣшать эту задачу, его методъ всегда будетъ психологическимъ. Но дѣйствительно-ли психологическій экспериментъ невозможенъ безъ содѣйствія физики и физиологій? Въ сущности этотъ предразсудокъ уже давно опровергнуть и практическою жизнью, и наукой. Если психологическій экспериментъ состоитъ въ наблюденіи психическихъ процессовъ при искусственно измѣненныхъ условіяхъ, то онъ есть вещь, самая обычная въ мірѣ. Имъ постоянно пользуются педагоги, юристы и врачи въ своихъ профессиональныхъ цѣляхъ; имъ пользуемся на каждомъ шагу все мы, когда намъ приходится намѣренно вызывать въ себѣ или другихъ новыя душевныя состоянія. Правда, эти житейскіе эксперименты не имѣютъ научнаго характера и не предназначены для психологическихъ цѣлей; но имъ можно дать иную, научную постановку. Попытки примѣненія чисто психологическаго эксперимента въ научной формѣ въ настоящее время уже сдѣланы. Если мы разсмотримъ лабораторныя опыты современныхъ психологовъ, то мы найдемъ, что многіе изъ нихъ не имѣютъ ничего общаго съ психофизикой и психофизиологіей. Наприм., повѣйшія экспериментальныя изслѣдованія ассоціаціи, воображенія и памяти обходятся безъ всякихъ физическихъ и физиологическихъ аппаратовъ и производятся при помощи такихъ простыхъ средствъ, которыя всемъ доступны; между тѣмъ, результаты этихъ изслѣдованій настолько цѣнны, что лишь педанты могли-бы ставить ихъ ниже психофизическихъ и психофизиологическихъ наблюденій. Для плодотворности психологическихъ экспериментовъ требуется только одно условіе: они должны производиться одновременно нѣсколькими лицами и подвергаться многократной и тщательной провѣркѣ. Вотъ почему являются необходимыми психологическіе кабинеты или лабораторіи, какъ центры коллективной и правильно организованной психологической работы. Такіе кабинеты въ настоящее время существуютъ уже почти всюду въ Европѣ и въ Америкѣ, и Н. Я. настоятельно рекомендуетъ учредить ихъ также при русскихъ университетахъ.

Экспериментальный методъ даетъ психологу могущественное средство научнаго изслѣдованія; но самъ по себѣ онъ еще недостаточенъ для того, чтобы превратить психологію въ точную науку. Кромѣ научнаго метода психологія должна обладать еще научнымъ принципомъ, который могъ-бы объединить ея изслѣдованія въ одной всеобъемлющей идеѣ, дать ей основу для безошибочныхъ выводовъ и сблизить ее съ остальными отраслями точнаго знанія. Безъ такого принципа экспериментальная психологія не можетъ претендовать ни на какія широкія обобщенія; она неизбежно будетъ теряться среди измѣнчиваго разнообразія изучаемыхъ ею фактовъ и ограничиваться частными и мелкими задачами. Но гдѣ найти ей подобный принципъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ является интересная статья Н. Я. *Понятія души и психической энергии въ психологіи* ¹⁾.

По его мнѣнію, экспериментальная психологія должна усвоить себѣ тотъ-же теоретическій принципъ, на которомъ покоится всесовременное естествознаніе,—*законъ сохранения энергии*. Она только тогда объяснитъ намъ измѣнчивыя явленія душевной жизни, когда будетъ разсматривать ихъ какъ формы психической энергии, которая входитъ въ систему превращеній физическихъ энергій и остается вмѣстѣ съ ними постоянной среди всѣхъ своихъ метаморфозъ. До сихъ поръ законъ сохранения энергии считался исключительно закономъ матеріальнаго міра и примѣненіе его къ психической жизни казалось совершенно невысказаннымъ. Между душевными явленіями и физическими процессами лежитъ дѣлая пропасть и ввести психическую энергию въ круговоротъ матеріальнаго движенія значитъ противорѣчить ея своеобразной природѣ. Такъ думалъ ранѣе и самъ Н. Я. Однако, теперь онъ считаетъ этотъ взглядъ значительно поколебленнымъ. Коренная разнородность физическихъ и психическихъ процессовъ основывается на теоретической противоположности понятій матеріи и духа; между тѣмъ въ послѣднее время даже сами естествоиспытатели начинаютъ изгонять понятіе матеріи изъ круга своихъ научныхъ представленій. Такъ, знаменитый Лейпцигскій химикъ Оствальдъ открыто заявилъ, что это понятіе можетъ

¹⁾ *Вопросы философіи и психологіи*, кн 37 и 39. 1897 г. Съ небольшими дополненіями и измѣненіями эта статья напечатана также въ нѣмецкомъ журналѣ *Archiv für systematische Philosophie*, IV Bd., 3 Heft, 1898

быть вполне замѣнено идеей энергіи, къ которой сводятся всѣ извѣстныя намъ явленія физическаго міра. Если Оствальду, можетъ быть, и не удалось вполне устранить матерію, какъ теоретически необходимый субстратъ физическихъ энергіи, то все-таки остается несомнѣннымъ, что въ области эмпирическихъ отношеній этотъ субстратъ не играетъ никакой роли. Въ опытѣ мы имѣемъ дѣло только съ различными видами физической энергіи или работы; а переходъ отъ физической работы къ психической мыслится совершенно иначе, чѣмъ переходъ отъ матеріальной субстанции къ духовной: это переходъ не отъ причины къ причинѣ, а отъ дѣйствія къ дѣйствию. Если намъ удастся подчинить психическія явленія общему понятію энергіи, то мы безъ труда можемъ распространить на нихъ и тѣ-же эмпирическія отношенія, какія свойственны всякой энергіи. Въ этомъ понятіи физическіе и психическіе процессы будутъ соединены въ одну общую систему, подчиняющуюся одному общему закону эквивалентности и сохранения. Одновременно съ Оствальдомъ нѣмецкій философъ Лассвицъ сдѣлалъ попытку примѣнить методъ энергетики къ объясненію физиологическаго раздраженія. По его мнѣнію, нервные процессы, изъ которыхъ слагается физиологическое раздраженіе, непонятны съ точки зрѣнія молекулярной или атомистической теоріи. Эти процессы представляютъ собой особый видъ энергіи, и такъ-какъ при современномъ состояніи нашихъ знаній эта своеобразная форма энергіи несводима къ энергіямъ физическимъ, то Лассвицъ называетъ ее „психофизическою“ энергіей. Различный „потенціалъ“ или различная интенсивность этой психофизической энергіи служитъ физиологическимъ коррелятомъ ощущеній, и задача науки состоитъ въ томъ, чтобы найти такіе-же корреляты и для остальныхъ психическихъ процессовъ. Самъ Лассвицъ считаетъ возможнымъ объяснить при помощи энергетическихъ коррелятовъ возникновеніе чувствованій удовольствія и страданія, колебанія которыхъ, по его мнѣнію, зависятъ отъ повышенія и пониженія психофизической энергіи мозга. Взглядъ Лассвица на природу удовольствія и страданія напоминаетъ Н. Я. его собственную теорію чувствованій, какъ эквивалентовъ траты и накопленія энергіи въ организмъ; но идея психофизической энергіи кажется ему противорѣчивой и

мало полезной для психологических цѣлей. Вѣдь, если Лассвицъ понимаетъ подъ „психофизическою энергіей“ нервныя процессы, то въ ней нѣтъ никакого психическаго элемента: это энергія физическая, или, если угодно, физиологическая. Съ другой стороны, если эта психофизическая энергія непревратима ни въ физическіе, ни въ психическіе процессы, то она не можетъ служить для психолога теоретическимъ принципомъ, объединяющимъ его изслѣдованія и міросозерцаніе. Не подчиняясь сама закону сохраненія энергіи, она вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяетъ распространить этотъ законъ и на психическую жизнь. Между тѣмъ, въ этомъ именно и состоитъ величайшая задача современной психологіи.

Чтобы рѣшить, насколько примѣнимъ законъ сохраненія энергіи въ области душевныхъ явленій, нужно разсмотрѣть три вопроса: 1) существуетъ-ли *психическая энергія* въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ о физическихъ энергіяхъ? 2) возможны-ли *переходы* психическихъ энергіи другъ въ друга, въ физическія энергіи и обратно?, и 3) возможно-ли допустить *количественное постоянство* психическихъ и физическихъ энергіи при качественномъ превращеніи ихъ въ предѣлахъ извѣстной системы элементовъ? Изслѣдуя эти вопросы, Н. Я. на всѣ ихъ отвѣчаетъ утвердительно. Существованіе психической энергіи есть фактъ, не требующій собственно никакихъ доказательствъ. Подъ именемъ энергіи наука разумѣетъ способность какого-нибудь дѣятеля или элемента производить работу, которая можетъ быть потенциальною или кинетическою и которая въ томъ и другомъ случаѣ подлежитъ количественной оцѣнкѣ. Но что такое вся наша душевная жизнь, какъ не непрерывная работа? Мы говоримъ о работѣ мысли, о работѣ воображенія, о работѣ чувства, о работѣ воли, и это не переносныя выраженія, такъ-какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ мы преодолеваемъ препятствія и чувствуемъ духовныя усилія и напряженія. Даже самый терминъ „энергія“ заимствованъ изъ области психологическихъ понятій: въ его основѣ лежитъ понятіе волевой энергіи. Всѣ эти формы психической энергіи или работы могутъ быть потенциальными, какъ душевныя способности и скрытыя воспоминанія, или кинетическими, какъ душевныя дѣятельности и душевныя движенія.

Наконецъ, онѣ могутъ имѣть всѣ тѣ количественныя степени, какія мы обыкновенно различаемъ въ дарованіяхъ и талантахъ людей, въ силахъ ихъ ума, чувства и воли. Переходъ психическихъ энергій другъ въ друга и превращеніе ихъ въ физическія энергій и обратно также не подлежатъ сомнѣнію. Ощущенія, испытываемыя нами подъ вліяніемъ внѣшняго міра, становятся представленіями; представленія преобразуются въ понятія; понятія переводятся на языкъ чувства, а чувство выражается въ волевыхъ хотѣніяхъ. Въ свою очередь, волевые хотѣнія порождаютъ рядъ новыхъ ощущеній, представленій, идей, чувствъ, волевыхъ актовъ, и т. д. Что такое этотъ психическій круговоротъ, какъ не процессъ превращенія нашей душевной энергій изъ однѣхъ ея формъ въ другія? Но психическія метаморфозы не ограничиваются этимъ внутреннимъ обмѣномъ душевныхъ элементовъ: онѣ выходятъ за его предѣлы и сливаются въ общимъ круговоротомъ природы. Всѣ мы знаемъ, что наши душевныя состоянія выражаются во внѣшнихъ дѣйствіяхъ и движеніяхъ, и этотъ фактъ служитъ самымъ простымъ и убѣдительнымъ примѣромъ перехода психической энергій въ физическія формы. Все, что человѣкъ воплощаетъ въ словѣ и дѣйствіяхъ, все, что онъ создаетъ въ окружающей его матеріальной средѣ, есть лишь вещественный эквивалентъ его психической работы. Когда мы говоримъ о тратѣ и истощеніи нашихъ душевныхъ силъ, то о чемъ идетъ здѣсь рѣчь, какъ не о превращеніи нашей психической энергій въ фізіологическія и физическія энергій организма и среды? Психическая энергій не исчезаетъ и не можетъ пачезать безслѣдно: она преобразуется въ эквивалентныя ей формы органической и неорганической работы, которыя становятся ея замѣстителями. Съ другой стороны, мы на каждомъ шагу можемъ наблюдать случаи обратнаго перехода физическихъ энергій въ психическія. Вѣдь, тѣ внѣшнія впечатлѣнія, на почвѣ которыхъ вырастаетъ нашъ духовный міръ, имѣютъ чисто физическій характеръ; между тѣмъ, вступая въ область сознанія, они превращаются въ психическую работу. Мы тратимъ свою душевную энергій въ усиліяхъ мысли, въ движеніяхъ чувства, въ актахъ воли, въ борьбѣ съ самими собой, съ другими людьми и съ природой; но откуда-же берется вновь

эта истраченная энергія? Она получается нами изъ организма и среды путемъ питанія и дыханія, подъ дѣйствіемъ свѣта, теплоты, электричества и даже механическихъ толчковъ. Значеніе сна въ нашей жизни въ томъ именно и состоитъ, что здѣсь путемъ молекулярной работы организма восполняется исчерпанный запасъ физической и психической энергіи. Вліяніе природы, климата и окружающей обстановки на складъ ума, чувства и воли людей есть не что иное, какъ непрерывный переходъ физическихъ энергіи въ психическія. Но если все это такъ, то не становится-ли въ высшей степени вѣроятной гипотеза, что количество психической энергіи во всѣхъ этихъ превращеніяхъ остается такимъ-же постояннымъ, какъ и количество физической энергіи въ ея метаморфозахъ? Факты показываютъ, что есть извѣстныя предѣлы для увеличенія и уменьшенія душевной энергіи въ каждомъ человѣкѣ. У отдѣльныхъ людей эти предѣлы могутъ быть очень различны, но въ нихъ всегда наблюдается опредѣленное равновѣсіе между „кинетическими“ формами психической работы, т. е. наличными душевными дѣятельностями, и „потенціальными“ ея запасами, т. е. скрытыми душевными способностями. Если мы видимъ у человѣка преобладаніе умственной или волевой дѣятельности, то оно обыкновенно уравнивается ослабленіемъ чувствительности; напротивъ, сильное развитіе чувства нерѣдко сопровождается пониженіемъ умственныхъ интересовъ и волевой энергіи. Развитіе памяти часто происходитъ на счетъ развитія воображенія или сообразительности, и наоборотъ. Сопоставляя эти психологическіе плюсы и минусы, мы получимъ среднюю психологическую величину, которая сильно колеблется у различныхъ людей, но очень мало измѣняется у одного и того-же человѣка. То, что мы называемъ личностью, характеромъ, темпераментомъ, умственнымъ типомъ людей, есть не что иное, какъ равнодѣйствующая различныхъ психическихъ энергіи, которыя, при всѣхъ своихъ метаморфозахъ, сохраняютъ извѣстное равновѣсіе. Если ихъ равновѣсіе слишкомъ сильно нарушается, то мы убѣждены, что имѣемъ дѣло съ патологическимъ случаемъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ нормальномъ человѣкѣ существуетъ количественный балансъ психическихъ энергіи. Эти энергіи могутъ находиться въ потенциальномъ состояніи

или обнаруживаться актуально; онѣ могутъ принимать различныя формы и развиваться однѣ въ ущербъ другимъ,—но общее количество ихъ продолжаетъ оставаться у каждаго индивидуума приблизительно одинаковымъ. Такой-же количественный балансъ долженъ существовать и при переходѣ психическихъ энергій въ физическія или обратно. Въ какихъ-бы явленіяхъ ни выражалась работа,—въ физическихъ или въ психическихъ,—она всегда остается равной себѣ, и всѣ ея формы эквивалентны другъ другу. Человѣкъ получаетъ отъ своего организма и среды столько-же психической энергій, сколько отдаетъ имъ, и отдаетъ столько-же, сколько получаетъ. Въмѣстѣ съ организмомъ и окружающей средой онъ составляетъ психофизическую систему, въ которой общая сумма психическихъ и физическихъ энергій, при всѣхъ возможныхъ превращеніяхъ ихъ другъ въ друга, сохраняется постоянной. Такова гипотеза, которая должна стать, по мнѣнію Н. Я., основнымъ методологическимъ принципомъ всѣхъ будущихъ изслѣдованій душевной жизни. Эта гипотеза оправдывается какъ теоретическими соображеніями, такъ и фактами, и чтобы сдѣлаться научнымъ закономъ, требуетъ только математическаго обоснованія и провѣрки. Если удастся найти точныя физическіе и физиологическіе эквиваленты психической работы и выразить ихъ въ точныхъ математическихъ величинахъ, то мы получимъ возможность объяснить всѣ явленія душевнаго міра и всѣ формы его взаимодѣйствія съ окружающей средой. Первыми шагами въ этомъ направленіи являются современныя попытки измѣрить термо-динамическія и электро-динамическія условія дѣятельности мозга, нервовъ и мышечной системы. Но полное изслѣдованіе механическихъ эквивалентовъ психической энергій составляетъ задачу будущаго, и разрѣшить эту задачу должны уже не столько психологи, сколько физиологи и физики.

Теорія психической энергій навлекла на Н. Я. упреки въ матеріализмѣ. Вѣдь, если онъ допускаетъ превращеніе физическихъ энергій въ психическія, то не значитъ-ли это, что онъ рассматриваетъ душевныя явленія, какъ продуктъ матеріи? А если такъ, то что-же остается отъ идей души, свободы воли, безсмертія, для доказательства которыхъ онъ потратилъ такъ много усилій и пролилъ такъ много чернилъ?

Н. Я. рѣшительно протестовалъ противъ такого истолкованія его взглядовъ. Его можно было-бы назвать матеріалистомъ, если-бы онъ рѣшалъ метафизическій вопросъ объ отношеніи души и тѣла и разумѣлъ подъ превращеніемъ энергій преобразование матеріальныхъ процессовъ въ духовные по существу. Но его точка зрѣнія совершенно иная. Оставляя въ сторонѣ метафизическую оцѣнку душевныхъ и тѣлесныхъ явленій, онъ хочетъ уяснить только ихъ эмпирическія отношенія. Терминъ „энергія“ онъ употребляетъ въ современномъ научномъ смыслѣ, т. е. понимаетъ подъ нимъ не силы или сущности, а только работу этихъ предполагаемыхъ сущностей и силъ. Поэтому, говоря о превращеніи физическихъ энергій въ психическія, онъ имѣетъ въ виду лишь замѣну физической работы эквивалентнымъ ей количествомъ психической работы. Что значить такая замѣна по существу, это другой вопросъ, котораго Н. Я. здѣсь не касается. Но если-бы онъ поставилъ себѣ этотъ вопросъ, то онъ, конечно, рѣшилъ-бы его не въ матеріалистическомъ смыслѣ, а въ духѣ тѣхъ идеалистическихъ началъ, философскому обоснованію которыхъ посвящены его прежніе труды. Вѣдь, чтобы понять отношеніе физическихъ и психическихъ энергій по существу, нужно уяснить себѣ природу тѣхъ дѣятелей, которые лежатъ въ ихъ основѣ. Но единственнымъ средствомъ для этой цѣли является анализъ содержанія нашего сознанія. Такъ-какъ сознанію непосредственно извѣстенъ только одинъ дѣятель въ природѣ, — наше собственное „я“ или *субъектъ*, то мы можемъ законно думать, что и всѣ другіе дѣятели въ природѣ суть своего рода „я“ или *субъекты*. И такъ-какъ нашъ субъектъ, какъ носитель духовной энергій, мы называемъ *душей* или *волей*, то тѣмъ-же именемъ можно было-бы назвать и остальные субъекты или носители энергій во вселенной. Нужно только помнить, что въ предѣлахъ опыта подъ такими субъектами разумѣются не метафизическія субстанціи, а извѣстнаго рода логико-алгебраическіе знаки для выраженія эмпирически воспринимаемыхъ свойствъ субъектовъ — „быть источниками сознательнаго дѣйствія и носителями необходимыхъ для него энергій“. Какъ велика сумма потенциальныхъ энергій нашего субъекта или воли, мы въ точности не знаемъ. Факты заставляютъ насъ допустить ея ограниченность; но эта ограниченность общей

суммы психическихъ энергій, способныхъ проявиться при данныхъ условіяхъ, по мнѣнію Н. Я., еще не рѣшаетъ отрицательно вопросовъ о свободѣ воли и безсмертіи личнаго сознанія. „Будучи продуктами сложной эволюціи природы, человѣческіе организмы могутъ считаться такими значительными запасами потенциальныхъ психическихъ энергій, которые не могутъ быть истощены всею нашею жизнью и не могутъ находить въ средѣ такихъ абсолютныхъ противо-дѣйствій, которыхъ-бы они не могли преодолевать при переходѣ своемъ въ кинетическое состояніе. Въ этомъ смыслѣ воля можетъ быть относительно *свободна*, а субъектъ, какъ дѣятель, *неистощимъ* въ своей внутренней потенциальной энергій, которая можетъ быть переведена въ работу не только извнѣ-физическими толчками, но и изнутри—*самосознаніемъ*“. Что становится съ нашею психическою энергіей послѣ смерти? Разсѣивается-ли она въ мірѣ, или можетъ сохраняться въ своей индивидуальной формѣ? На этотъ вопросъ мы пока не имѣемъ отвѣта. Но такъ-какъ въ природѣ всякая энергія можетъ перенестись изъ одной системы или среды въ другую, то мы имѣемъ основаніе предполагать, что и психическая энергія послѣ смерти можетъ быть перенесена во всемъ своемъ цѣломъ и со всѣми своими индивидуальными свойствами (съ сознаніемъ и самосознаніемъ) изъ разрушеннаго тѣла въ другую систему элементовъ. Такою системою можетъ быть эфирная среда, которая нѣкоторыми современными учеными считается сферою дѣйствія психической энергій даже въ самомъ организмѣ,—въ нервной системѣ. „*Душа* человѣка, въ прежнемъ значеніи слова, можетъ быть, и есть эта эфирная нервная среда, вмѣстѣ съ ея особыми психическими энергіями? Если тепловая энергія переходитъ изъ одного тѣла въ другое, а электрическій токъ или энергія переходитъ по проволоцѣ изъ одного аппарата въ другой, то почему (а priori) психическій токъ не можетъ перейти чрезъ эфирную среду въ другія тѣла или пространства? На почвѣ энергетизма ученіе о безсмертіи личнаго сознанія, можетъ быть, со временемъ найдетъ себѣ новое, *научное* оправданіе“.

Мы не думаемъ, чтобы Н. Я. приписывалъ очень серьезно эту гипотезу „эфирнаго безсмертія“: она слишкомъ напоминаетъ намъ фантастическую болтовню Камилла Фламмаріона.

Природа эѳира извѣстна намъ несравненно менѣе природы души, и вводить это новое неизвѣстное въ проблему безсмертія значитъ только запутывать ее. Впрочемъ, подобный способъ рѣшенія этой метафизической проблемы ложенъ въ самомъ принципѣ. Вѣдь, міръ безсмертія лежитъ за предѣлами нашего опыта: слѣдовательно, идея безсмертія не можетъ быть обоснована на почвѣ эмпирическихъ началъ. Нужно допустить позади извѣстныхъ намъ явленій трансцендентное бытіе и въ немъ искать основаній для философскаго построенія этой идеи. А признать трансцендентное бытіе философъ долженъ даже и въ томъ случаѣ, если-бы онъ захотѣлъ понять эмпирическія отношенія душевныхъ и физическихъ явленій съ точки зрѣнія энергетики. Н. Я. самъ настаиваетъ на необходимости отдѣлить метафизическіе вопросы отъ эмпирическихъ; но разграничивая эти вопросы, не пужно смѣшивать и методы ихъ рѣшенія. Не болѣе удачна и попытка Н. Я. связать съ своею теоріей психической энергіи идею свободы воли. Превращеніе физическихъ энергій въ психическія и обратно онъ признаетъ такимъ-же механическимъ процессомъ, какъ и переходъ физическихъ энергій другъ въ друга. Поэтому для насъ является совершенно неожиданнымъ его заявленіе, что потенциальныя энергіи организма могутъ быть переведены въ психическую работу не только внѣшними механическими толчками, но и внутреннею дѣятельностью нашего „самосознанія“. Развѣ механической круговоротъ энергій допускаетъ свободное вмѣшательство субъекта? И развѣ свободные акты субъекта дѣлаютъ возможнымъ чисто механическія превращенія? Н. Я. могъ-бы примирить идею свободы съ своею теоріей лишь въ томъ случаѣ, если-бы онъ допустилъ, что процессъ превращенія энергій по существу имѣетъ не механической, а произвольный характеръ, что не только въ предѣлахъ нашего сознанія, но и въ природѣ этотъ процессъ обуславливается дѣйствіемъ свободныхъ и разумныхъ силъ, что его механизмъ есть только призрачное явленіе, скрывающее отъ нашихъ глазъ дѣйствительный міръ умопостигаемой свободы. И разъ онъ не рѣшился на такой метафизическій шагъ, ему нельзя было говорить о свободѣ воли. Но если Н. Я. не удалось оправдать идеи свободы и безсмертія съ точки зрѣнія своей энергетики, то его протестъ противъ обвиненій въ матеріа-

лизмъ имѣлъ свои основанія. Въ самомъ дѣлѣ, если Н. Я. остается въ границахъ опыта и понимаетъ подъ „энергію“ только *работу* какихъ-нибудь агентовъ или силъ, то его мысль о превращеніи физическихъ энергій въ психическія и обратно еще не ведетъ къ материалистическому объясненію душевной жизни. Понятіе работы имѣетъ такой-же общій и отвлеченный характеръ, какъ любой алгебраическій знакъ: оно обозначаетъ только сумму извѣстныхъ дѣйствій, которая всегда можетъ быть замѣнена равною ей суммой другихъ дѣйствій и которая остается при этой замѣнѣ одною и той-же, каковы-бы ни были ея слагаемыя. Это однородная по своему значенію потенциальная или актуальная величина, подлежащая качественной и количественной оцѣнкѣ и допускающая всѣ формы качественного и количественного замѣщенія. Въ этомъ смыслѣ превращеніе физической энергій или работы въ эквивалентную ей форму психической работы есть не что иное, какъ *замѣщеніе* какой-нибудь суммы дѣйствій, состоящей изъ физическихъ единицъ, другою такою-же суммой, слагающейся изъ психическихъ единицъ. Вѣдь, и превращеніе физическихъ энергій другъ въ друга въ природѣ не идетъ съ точки зрѣнія опыта далѣе такого чисто математическаго отношенія. Всякій эквивалентъ энергій, каковы-бы онъ ни былъ, въ эмпирическомъ смыслѣ есть только ея замѣститель, субститутъ. О метафизическомъ превращеніи однихъ силъ въ другія въ предѣлахъ чистаго опыта не можетъ быть рѣчи. Если-же Н. Я. (какъ это отчасти и есть на самомъ дѣлѣ) выходитъ за границы опыта и разумѣетъ подъ энергіей не только работу, но и *силу*, которою производится эта работа, то философское истолкованіе его тезиса о превращеніи физическихъ энергій въ психическія зависитъ оттого, какъ онъ смотритъ на природу физическихъ силъ. Если онъ считаетъ эти силы материальными, то онъ материалистъ; если-же онъ усваиваетъ имъ идеальную или духовную природу, то онъ не материалистъ, а идеалистъ или спиритуалистъ. Для того, чтобы допустить теоретическую возможность перехода физическихъ силъ въ психическія, вовсе не нужно быть непременно материалистомъ; для этого достаточно быть только *мокистомъ*, т. е. признавать эти силы формами какого-нибудь *единого* начала. Какова природа этого единого начала,—материальная или духовная,—это въ дан-

номъ случаѣ безразлично. Спиритуалистическiи монизмъ не только мыслимъ на ряду съ материалистическою гипотезой, но даже имѣеть всѣ теоретическiя преимущества передъ нею. Въдѣ, существа матерiи мы абсолютно не знаемъ; мы знаемъ ее только въ формѣ нашихъ собственныхъ ощущенiй и представлений. А такъ-какъ правиломъ всякаго научнаго объясненiя должно быть выведенiе неизвѣстнаго изъ извѣстнаго, то мы должны объяснять не психическiе процессы изъ свойствъ матерiи, а матерiю изъ свойствъ психическихъ процессовъ: мы должны придти къ выводу, что такъ называемая „матерiя“ и дѣйствующiя въ ней физическiя силы суть только феноменъ, выражающiй въ своеобразной формѣ взаимодѣйствiе чисто духовныхъ элементовъ и силъ. Съ этой точки зрѣнiя вся природа превращается въ царство духа, а матерiя становится простымъ миражемъ, обманывающимъ наши чувства, или теоретическимъ предразсудкомъ, обманывающимъ нашъ умъ. Какова-же точка зрѣнiя Н. Я.? Что онъ не материалистъ, это, дѣйствительно, доказываютъ всѣ сочиненiя его метафизическаго перiода: онъ не только въ принципѣ отвергалъ материалистическое объясненiе вселенной, но и пытался построить свое мирозозерцанiе на идеалистическихъ началахъ. Правда, судя по его прежнимъ работамъ, Н. Я. нельзя назвать также и послѣдовательнымъ спиритуалистическимъ монистомъ: постоянно колеблясь между монизмомъ и дуализмомъ, приближаясь то къ одному, то къ другому изъ нихъ или пытаясь объединить ихъ въ какой-нибудь средней примиряющей формулѣ, онъ не успѣлъ придти къ опредѣленному взгляду на основныя принципы дѣйствительности. Но спиритуалистическiи монизмъ во всякомъ случаѣ гораздо болѣе соответствуетъ общему духу его философскихъ воззрѣнiй, чѣмъ материализмъ. Вотъ почему теперь онъ прямо становится на точку зрѣнiя этой гипотезы, когда говоритъ, что единственнымъ средствомъ для уясненiя природы физическихъ силъ является анализъ нашего сознанiя, что всѣ дѣятели природы суть по своему „субъекты“ или „я“, что каждый изъ нихъ можетъ быть названъ „душей“ или „волей“. При всей осторожности своихъ выраженiй, онъ дѣлаеть здѣсь рѣшительный шагъ къ одухотворенiю вселенной, и мы нисколько не сомнѣваемся, что позднѣе, при послѣдовательномъ развитiи его взгляда-

довъ, онъ пришель-бы къ полному монизму на чисто спиритуалистической основѣ.

Но если Н. Я. дѣйствительно могъ преодолѣть все эти философскія затрудненія, то слѣдуетъ-ли отсюда, что его теорія психической энергій имѣетъ твердую почву и можетъ служить руководящимъ принципомъ будущихъ психологическихъ изслѣдованій? Дѣло въ томъ, что кромѣ философскихъ или метафизическихъ затрудненій, она встрѣчается еще съ трудностями чисто научными. Если въ настоящее время законъ сохранения энергій считается закономъ исключительно физическаго міра, то этотъ взглядъ имѣетъ не только теоретическія, но и фактическія основанія. Доказано фактами, что сумма *физическихъ* энергій остается въ предѣлахъ извѣстной системы элементовъ постоянной и можетъ быть вычислена математически. Поэтому, ввести въ такую систему элементовъ еще психическую энергію, значитъ прибавить къ суммѣ физическихъ энергій плюсь, который рѣшительно некуда дѣвать. Если физическія энергій (какъ таковыя) сохраняются неизмѣнными, то онѣ, конечно, не могутъ превращаться въ психическую энергію, потому что въ этомъ случаѣ ихъ количество должно уменьшаться; если-же онѣ подвергаются этой метаморфозѣ, то онѣ не могутъ сохраняться. А такъ-какъ сохраненіе физическихъ энергій есть несомнѣнный фактъ, съ которымъ связаны все выводы современной физики, то о превращеніи ихъ въ психическую работу, повидимому, не можетъ быть рѣчи. Такимъ образомъ, помимо всякихъ философскихъ соображеній, теорія Н. Я. противорѣчитъ тѣмъ эмпирическимъ даннымъ, на которыхъ утверждается законъ сохранения энергій въ его современномъ смыслѣ, и послѣдовательное проведеніе этой теоріи могло-бы поколебать самыя жизненныя основы естествознанія. Однако, допустимъ, что Н. Я. удалось-бы какимъ-нибудь образомъ устранить даже это противорѣчіе: его теорія психической энергій остается все-таки бесполезной для психологій, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Вѣдь, для того, чтобы создать руководящій принципъ для научнаго изслѣдованія, недостаточно признать только его общую теоретическую возможность; нужно сдѣлать его эмпирической истиной и показать возможность его практическаго примѣненія. Какъ философская гипотеза, законъ со-

храненія энергій былъ высказанъ еще Декартомъ и Лейбницемъ; но въ естествознаніи онъ не игралъ ни малѣйшей роли до тѣхъ поръ, пока Ю. Р. Майеръ, Гельмгольцъ и Джауль не дали ему первоначальнаго эмпирическаго и математическаго обоснованія. То-же условіе требуется и для примѣненія этого закона въ психологіи. Въ концѣ концовъ самъ Н. Я. сознаеть, что энергетическое объясненіе душевныхъ процессовъ и ихъ взаимодѣйствія съ окружающею средой возможно только тогда, когда мы найдемъ для нихъ точныя механическіе эквиваленты и выразимъ эти эквиваленты въ точныхъ математическихъ величинахъ. Но онъ, повидимому, опускаеть изъ виду, что въ этомъ-то именно и состоитъ *вся* задача, до разрѣшенія которой мысль о подчиненіи душевной жизни закону сохраненія энергій останется лишь бесплодной мечтой. Разрѣшима-ли эта задача? Въ настоящее время нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя позволили-бы намъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Тѣ изслѣдованія термо-динамическихъ и электро-динамическихъ процессовъ въ нервной системѣ, на которыя указываетъ Н. Я. пытаются опредѣлить не эквиваленты душевныхъ явленій, а только ихъ *корреляты*, т. е. соотносительныя или параллельныя имъ физическія измѣненія. Считать эти измѣненія эквивалентами психической работы нельзя уже потому, что они, по современнымъ научнымъ воззрѣніямъ, происходятъ одновременно съ душевными состояніями. Притомъ, отношеніе данныхъ процессовъ къ параллельнымъ психическимъ состояніямъ совсѣмъ не поддается математической формулировкѣ. Единственное психофизическое отношеніе, которое до сихъ поръ удалось выразить математически, и то лишь съ приблизительною точностью, есть отношеніе интенсивности ощущеній къ интенсивности соответствующихъ имъ раздраженій. Но математическая формула этого отношенія (Веберовъ законъ) не только не подтверждаетъ мысли объ эквивалентности психической и физической работы, а прямо опровергаетъ ее: она показываетъ, что интенсивность ощущенія измѣняется лишь какъ логарифмъ раздраженія. Отсюда, нѣтъ никакихъ основаній надѣяться, чтобы эта проблема могла быть разрѣшена и въ будущемъ.

Предоставивъ будущему научное оправданіе своей теоріи

психической энергій, Н. Я. сосредоточился на другомъ вопросѣ. Если психическая энергія подчиняется закону сохранения, то какъ примирить съ этимъ закономъ фактъ мірового *прогресса*? Вѣдь, прогрессъ есть не что иное, какъ постоянное возрастаніе духовной энергій во вселенной. По мѣрѣ того, какъ человѣчество движется впередъ по пути своего развитія, духъ одерживаетъ все большія и большія побѣды надъ матеріей, расширяется сознаніе и самосознаніе людей, возрастаетъ нравственная цѣнность ихъ жизни, увеличивается ихъ мощь въ борьбѣ съ природой, умножаются ихъ средства для достиженія идеальныхъ цѣлей, накапливается умственное богатство поколѣній. Возможно-ли понять эти явленія, допуская количественное постоянство энергій? Н. Я. отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Онъ находитъ, что его психологическая энергетика не только не противорѣчитъ идеѣ прогресса, но, напротивъ, даетъ ей совершенно новое и болѣе глубокое освѣщеніе. Въ самомъ дѣлѣ, прогрессъ былъ-бы дѣйствительно непонятнымъ, если бы Н. Я. считалъ душевные процессы замкнутою въ себѣ системой и говорилъ о сохраненіи одной только психической энергій, независимо отъ физическихъ энергій организма и окружающей среды. Но онъ разсматриваетъ психическія явленія только какъ элементъ извѣстной психофизической системы, а духовный міръ вообще какъ часть въ цѣлой системѣ природы. Поэтому онъ допускаетъ сохраненіе психической энергій лишь вмѣстѣ съ физическими, которыя, при количественномъ постоянствѣ энергій вообще, постоянно переходятъ въ новыя по качеству, психическія формы. Другими словами, по его мнѣнію, сохраняется неизмѣнной только *общая сумма* психической и физической энергій въ каждой психофизической системѣ и въ цѣлой вселенной; но въ то-же время въ предѣлахъ каждой системы и въ нѣдрахъ цѣлой вселенной совершается непрерывная *трансформация* низшихъ, физическихъ энергій въ высшую, психическую работу, и въ этой-то именно трансформации состоитъ прогрессъ. Если въ результатъ прогресса количество психической энергій возрастаетъ, то это происходитъ лишь на счетъ уменьшенія физическихъ энергій; но уменьшеніе физической работы и возрастаніе психической уравновѣшиваютъ другъ друга и общій балансъ энергій въ

мірѣ остается всегда одинъ и тотъ-же. Такія именно идеи лежатъ въ основѣ послѣдней статьи Н. Я., *Критика понятія прогресса* ¹⁾.

Несмотря на то, что Н. Я. назвалъ эту статью „критикой“, въ ней очень мало критическаго элемента. Она представляетъ собою скорѣе дедуктивное и по существу догматическое построение понятія прогресса, имѣющее цѣлью примирить противоположныя формулы „объективистовъ“ и „субъективистовъ“. Какъ извѣстно, соціологи объективнаго направленія хотятъ устранить изъ этого понятія всѣ субъективные элементы и факторы и отождествляютъ прогрессъ съ чисто механическою эволюціей, обусловленной слѣпымъ взаимодействіемъ силъ природы. Личныя человѣческія усилія, стремленія, цѣли и идеалы являются, по ихъ мнѣнію, не причинами этого механическаго процесса, а только слѣдствіями его. Напротивъ, соціологи-субъективисты именно и считаютъ эти личные факторы главными двигателями прогресса. Различая прогрессъ отъ эволюціи или простого развитія, они разсматриваютъ его не какъ механическій, а какъ телеологическій процессъ, создаваемый преимущественно стремленіями, идеями и цѣлями личности. Когда Н. Я. въ первый разъ изслѣдовалъ вопросъ о прогрессѣ (въ 1883 г.), онъ, какъ мы видѣли, стоялъ на точкѣ зрѣнія Спенсера и защищалъ объективный методъ. Примѣняя въ области соціологіи одну изъ механическихъ аксіомъ естествознанія, онъ опредѣлялъ прогрессъ, какъ „экономизацію энергіи природы, которая ведетъ въ концѣ концовъ къ возрастанію суммы удовольствій человѣка и уменьшенію суммы его страданій“. Но онъ не замѣтилъ, что въ этой объективной и механической формулѣ уже заключался субъективный и телеологическій элементъ, такъ-какъ возрастаніе удовольствій и уменьшеніе страданій людей есть, по его представленію, не что иное, какъ субъективная цѣль или конечная причина прогресса. Припоминая теперь эту формулу, Н. Я. находитъ, что невольная уступка субъективизму, которую онъ въ ней сдѣлалъ, была вызвана необходимостью. Дѣло въ томъ, что и субъективисты, и объективисты по своему праву и ихъ взгляды не только не исключаютъ другъ друга,

¹⁾ *Вопросы философіи и психологіи*, 1898, кн. 45.

а напротивъ, взаимно дополняютъ. Прогрессъ имѣеть, конечно, объективную и механическую основу: будучи общимъ выраженіемъ не только человѣческой, но и міровой жизни, онъ неизбежно подчиняется тѣмъ-же законамъ, которымъ подвластны всѣ отдѣльныя явленія міра. Но въ то-же время невозможно отрицать и той громадной роли, какую играютъ въ немъ субъективные и телеологическіе факторы: на почвѣ механическихъ законовъ природы вырастаетъ царство духа, разума и воли, и свободная дѣятельность этихъ высшихъ силъ подчиняетъ объективное развитіе вещей субъективнымъ идеаламъ и цѣлямъ. Такимъ образомъ, въ прогрессѣ нужно различать двоякую сторону, и правильная формула этого явленія должна быть синтезомъ объективизма и субъективизма. Дать такую именно синтетическую формулу прогресса Н. Я. и ставить своею задачею. Опираясь на свою теорію психической энергіи, онъ опредѣляетъ теперь прогрессъ слѣдующимъ образомъ: *„прогрессъ въ жизни вселенной есть увеличеніе нравственной цѣнности этой жизни, происходящее отъ роста въ ней самосознанія, которое зависитъ отъ превращенія міровыхъ энергій изъ низшихъ формъ въ высшія чрезъ ихъ экономизацію и накопленіе“*. Эта формула состоитъ изъ двухъ частей, тѣсно связанныхъ между собой и взаимно предполагающихъ другъ друга. Въ первой части выражается *цѣль* прогресса („увеличеніе нравственной цѣнности жизни“) и его ближайшее *условіе* („ростъ самосознанія въ мірѣ“), а во второй части опредѣляются его послѣднія *причины и основы* („превращеніе міровыхъ энергій изъ низшихъ формъ въ высшія путемъ ихъ экономизаціи и накопленія ихъ свободныхъ запасовъ“). Мысль, что цѣлью прогресса должно быть увеличеніе нравственной цѣнности жизни во вселенной, есть историческій и этический постулатъ. Вся исторія человѣчества есть не что иное, какъ постепенное осуществленіе этой нравственной задачи. По мнѣнію Н. Я., достаточно только сравнить состояніе дикарей съ жизнью современныхъ цивилизованныхъ обществъ, чтобы убѣдиться, какъ возрасла и продолжаетъ расти нравственная цѣнность жизни въ мірѣ. Нельзя ставить цѣлью прогресса увеличеніе человѣческаго счастья на землѣ, какъ хотятъ социологи-субъективисты и какъ хотѣлъ ранѣе самъ Н. Я.: не говоря уже о томъ, что эта эвдемонистическая

цѣль слишкомъ узка, она противорѣчитъ основной идеѣ нравственной дѣятельности человѣчества,—идеѣ долга. Но есть всѣ основанія думать, что вмѣстѣ съ возрастаніемъ нравственной цѣнности жизни сама собою увеличится и сумма человѣческаго счастья. Въ томъ, что ближайшимъ условіемъ увеличенія нравственной цѣнности жизни является развитіе сознанія и самосознанія въ людяхъ, едва-ли кто-нибудь усумнится. Вѣдь, только человѣческое сознаніе и самосознаніе можетъ оцѣнивать вещи, и нравственная цѣнность жизни есть прежде всего *сознаніе* этой цѣнности. Вотъ почему развитіе сознанія и самосознанія въ человѣчествѣ идетъ параллельно съ развитіемъ его нравственнаго идеала. Постепенный ростъ этихъ духовныхъ силъ есть законъ не только человѣческой исторіи, но и всей природы. Вся эволюція природы, по современнымъ воззрѣніямъ, является лишь средствомъ для развитія сознанія и самосознанія во вселенной. Но какъ происходитъ ростъ сознанія и самосознанія въ мірѣ? Отвѣтъ на этотъ основной вопросъ даетъ вторая часть формулы. Сознаніе и самосознаніе суть виды психической энергіи, а психическая энергія есть видъ энергіи вообще. Энергія въ природѣ подчиняется закону количественнаго сохраненія и качественной трансформаціи. По мѣрѣ накопленія ея свободныхъ потенціальныхъ запасовъ въ организмахъ, она превращается изъ низшихъ, физическихъ формъ въ высшія, психическія, т. е. становится сознаніемъ и самосознаніемъ. Путемъ такой метаморфозы природа блистательно разрѣшаетъ задачу: достигать наибольшихъ результатовъ при наименьшей тратѣ силъ. Замѣняя грубую физическую работу болѣе совершенною дѣятельностью психическихъ факторовъ, она создаетъ на почвѣ механическаго развитія вещей духовный прогрессъ, руководимый субъективными идеалами и цѣлями. Такимъ образомъ, если цѣлью прогресса служить возрастаніе нравственной цѣнности жизни въ мірѣ, а его ближайшимъ условіемъ является развитіе сознанія и самосознанія во вселенной, то его послѣдняя основа заключается въ превращеніи физическихъ энергіи въ психическія благодаря ихъ экономизаціи и накопленію. Первая часть этой формулы выражаетъ субъективную или телеологическую сторону прогресса, а вторая его объективную или механическую сторону. Разсматривая

субъективные и объективные моменты прогресса какъ цѣль тѣсно связанныхъ причинъ и дѣйствій, эта синтетическая формула вполне исчерпываетъ его понятіе и разрѣшаетъ всѣ споры объективистовъ и субъективистовъ.

Вопросъ о прогрессѣ былъ послѣднимъ этапомъ философскихъ скитаній Н. Я. Подчиняя прогрессъ этическимъ цѣлямъ, Н. Я. отождествлялъ этотъ вопросъ съ общею проблемой „о назначеніи и нравственномъ смыслѣ нашей чело-вѣческой и міровой жизни“ и называлъ его „узломъ, въ которомъ сходятся всѣ нити философскаго міросозерцанія чело-вѣка и чело-вѣчества“. Поэтому онъ хотѣлъ посвятить ему цѣлый рядъ статей, въ которыхъ намѣревался всесто-ронне разработать свои взгляды и защитить ихъ отъ различныхъ возраженій. Но преждевременная смерть не позволила ему осуществить этихъ намѣреній. Полный широкихъ замысловъ и плановъ, Н. Я. умеръ отъ паралича сердца, неожиданно для другихъ и неожиданно для себя самого.

Если мы бросимъ общій взглядъ на философское развитіе Н. Я., то мы можемъ найти въ немъ три эпохи, совершенно различающихся по своимъ основнымъ принципамъ. Въ первый періодъ Н. Я. былъ чистымъ позитивистомъ. Онъ безусловно отрицалъ метафизику, какъ познаніе дѣйствительности, и считалъ философію своеобразнымъ искусствомъ, идейною поэзіей, которая можетъ удовлетворять извѣстные субъективные запросы, но не имѣетъ никакого научнаго значенія. Во второй періодъ, начинающійся съ появленія книжки *Джордано Бруно и пантеизмъ* въ 1885 г., онъ становится чистымъ метафизикомъ. Придя послѣ многихъ колебаній къ признанію метафизики, какъ науки, онъ посвящаетъ теперь всѣ свои усилія философскому оправданію идеи Бога, души, свободы воли, долга и безсмертія. Въ то-же время онъ обрушивается съ страстною критикой на современную психологію, отвергая ея феноменизмъ, ея механическій взглядъ на душевную жизнь, ея методы и результаты. Въ третій періодъ, открывающійся статьей *Основанія экспериментальной психологіи* въ 1895 г., Н. Я. стремится примирить позитивное изслѣдованіе съ метафизическими и этическими идеалами. Становясь на точку зрѣнія того самаго механическаго міровоззрѣнія, которое онъ

только-что рѣзко оспариваль, онъ хочетъ, съ одной стороны, обосновать методы и теоретическіе принципы психологіи, съ другой — разрѣшить на почвѣ этихъ принциповъ вопросъ о прогрессѣ. Но въ то-же время онъ не забываетъ и своихъ прежнихъ метафизическихъ идей, стараясь до нѣкоторой степени согласить ихъ съ своими новыми взглядами. Такимъ образомъ, Н. Я. перемѣнилъ три совершенно разныхъ міросозерцанія, которыя въ свою очередь значительно колебались и измѣнялись въ теченіе каждаго періода.

Какъ понять эту своеобразную философскую эволюцію? Было-бы несправедливо думать, что она объясняется просто неустойчивостью мысли Н. Я., его чрезмѣрною умственною впечатлительностью, его легкомысленною склонностью мѣнять свои взгляды подъ вліяніемъ чужихъ идей. По нашему мнѣнію, она имѣла другія и болѣе глубокія причины. Въ Н. Я. постоянно боролись двѣ противоположныхъ и вѣчно враждебныхъ стихій души человѣческой, — скептической умъ и жаждущее идеала сердце. Воспитанный на позитивныхъ идеяхъ Конта и Спенсера, Н. Я. привыкъ считать единственною дѣйствительностью міръ чувственныхъ явленій, и всѣ сверхъопытные и сверхчувственные идеалы казались его уму пустыми иллюзіями. Но его сердце протестовало противъ такого безотраднaго міросозерцанія. Оно говорило ему, что человѣческая жизнь превращается въ пустую и глупую шутку, если за предѣлами чувственнаго міра нѣтъ другой, высшей дѣйствительности, что наши представленія о нравственномъ долгѣ и наши мечты о счастьѣ только тогда получаютъ смыслъ, когда они озарены и согрѣты вѣрой въ неземные идеалы. И вотъ, смотря по тому, какая изъ этихъ двухъ стихій одерживала верхъ въ его душѣ, онъ становился позитивистомъ или метафизикомъ, эмпирикомъ или идеалистомъ. Въ эпоху скептической юности онъ шелъ исключительно по дорогѣ опыта, не видя ничего позади тѣхъ чувственныхъ явленій, которыя непосредственно открывались его взору. Позднѣе, въ болѣе зрѣлую пору, пробудившіяся этическія потребности и запросы сердца заставили его свернуть съ этой дороги и увлекли въ волшебную страну метафизическихъ идеаловъ. Наконецъ, въ послѣдніе годы жизни онъ вновь вышелъ на путь позитивнаго изслѣдова-

пія, вспоминая иногда тѣ чудныя видѣнія, которыя онъ созерцалъ въ сверхчувственномъ мірѣ. Н. Я. не былъ жалкимъ философскимъ хамелеономъ, готовымъ по произволу мѣнять свои убѣжденія. Это былъ симпатичный и искренній *философскій скепталецъ*, искавшій въ мірѣ идей пріюта для своей пытливой мысли и тоскующаго сердца. Въ этомъ заключается маленькая трагедія его жизни, и въ этомъ-же лежитъ разгадка его капризнаго философскаго развитія.

Въ лицѣ Н. Я. Грота русская философія потеряла несомнѣнно одну изъ самыхъ выдающихся своихъ современныхъ силъ. Замѣчательно талантливая натура, Н. Я. соединялъ въ себѣ свойства выдающагося мыслителя и блестящаго писателя. Его смѣлый, своеобразный и удивительно гибкій умъ былъ почти одинаково способенъ какъ къ аналитической, такъ и въ синтетической философской работѣ и умѣлъ найти выходъ изъ всевозможныхъ логическихъ затрудненій, а его талантливое перо умѣло облекать самыя трудныя вещи въ простую, ясную и привлекательную форму. Онъ обладалъ способностью ткать изъ себя тонкую паутину идей и создавать изъ нихъ, правда не всегда прочныя, но замѣчательно стройныя и красивыя построенія. Тамъ, гдѣ у него подъ ногами была твердая идейная почва, онъ умѣлъ быть логически послѣдовательнымъ, и ему принадлежитъ очень милый афоризмъ: „бояться логики логически мыслящему существу по меньшей мѣрѣ не логично“. Но тамъ, гдѣ логика не могла оказать ему своихъ услугъ, онъ не боялся также парадоксовъ и противорѣчій. Ему не всегда удавалось быть убѣдительнымъ, но онъ почти всегда умѣлъ быть интереснымъ. Вотъ какъ характеризовалъ Н. Я. въ свое время его философскій противникъ, Архіепископъ Никаноръ: „Онъ дѣйствительно философъ необычайно способный, необычайно разнообразный, отлично подготовленный, замѣчательно обильный, замѣчательно ясный въ изложеніи, даже строго логичный въ выводахъ изъ разъ положенныхъ началъ. Философская эрудиція его огромна ¹⁾. Онъ знакомъ съ философами не только новѣйшихъ временъ, но и глубокой эллинской классической древности въ ихъ подлинныхъ твореніяхъ. Замѣчательно знакомство его и съ выводами совре-

¹⁾ Тутъ есть, быть можетъ, нѣкоторое преувеличеніе

менной естественной науки, безъ котораго нынѣ нельзя строить философію... По моему искреннему убѣжденію, основанному на разностороннемъ знакомствѣ съ сочиненіями его, столько-же и лично съ ихъ авторомъ-философомъ, эту юную, широко подготовленную, въ высшей степени способную для работъ на высшемъ поприщѣ философскаго мышленія, свободно поворачивающую въ сторону философствованія наиболѣе благонадежнаго и желательнаго, умственную силу слѣдуетъ всеми способами сохранить и поддержать, содѣйствуя ей къ болѣе и болѣе широкому саморазвиію, хотя отчасти, по возможности незамѣтно, и ограничивая ее въ ея увлеченіяхъ на сторону чужеродныхъ научныхъ вѣяній, въ увлеченіяхъ, которыя могли быть вредны какъ для нея самой, такъ и для круга, гдѣ дѣйствуетъ ея вліяніе“¹⁾). И становится искренно жаль, что эта богатая умственная сила, которую такъ хотѣли сохранить люди, не была пощажена преждевременною смертію.

Н. Я. былъ замѣчательно плодовитый и разнообразный философскій писатель. Въ настоящемъ очеркѣ мы разсмотрѣли большинство его сочиненій, по мы не исчерпали ихъ всѣхъ. Такъ, мы совсѣмъ не касались его работъ по исторіи философіи²⁾ и статей, написанныхъ на разныя злобы дня³⁾. Какъ мы видѣли, онъ затрогиваетъ въ своихъ работахъ почти все области философскаго мышленія и разсматриваетъ самые разнообразные вопросы. И нельзя сказать, чтобы онъ гдѣ-нибудь повторялся въ нихъ. Даже тамъ, гдѣ онъ, повидимому, перепѣваетъ старыя пѣсни, онъ вноситъ въ нихъ новыя мотивы, совершенно измѣняющіе ихъ характеръ. Его сочиненія отражаютъ въ себѣ самыя разнообразныя умственные вліянія. Въ нихъ можно замѣтить слѣды идей О. Конта,

1) „Направленіе и значеніе философіи Николая Грота“, *Правосл. Обзорніе*, 1886 г., октябрь, стр. 319—320

2) „О значеніи философіи Шопенгауэра“, *Труды Моск. Психол. Общ.*, вып. 1, 1888; „О жизни и личности Декарта“, *Вопросы фил. и психол.*, кн. 35, 1896; „Введеніе въ исторію новой философіи“, Тамъ-же кн. 7, 1891; „Основные моменты въ развитіи новой философіи“, Тамъ-же, кн. 8, 9, 10, 13, 18, 20, 1891—1893 гг.

3) Наприм., „Нравственные идеалы нашего времени (Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой)“, *Вопр. фил. и псих.*, кн. 16, 1893; „П. Е. Астафьевъ“, некрологъ, Тамъ-же, кн. 18, 1893; „Памяти Н. Н. Страхова къ характеристикѣ его философскаго міросозерцанія“, Тамъ-же кн. 32, 1896, и др.

Спенсера, Дюринга, Альб. Ланге, Джордано Бруно, Платона, Канта, Шопенгауэра, Дюмона, Зигварта, Джемса, Оствальда, архіеп. Никанора, гр. Л. Толстого, Влад. Соловьева, и др. Но подчиняясь, какъ и всякій мыслитель, вліянію чужихъ взглядовъ, онъ не былъ ни компиляторомъ, ни подражателемъ. Это былъ творческій умъ, способный самостоятельно мыслить и создавать изъ своихъ и чужихъ идей оригинальныя философскія построенія. Мы подвергли критическому разбору многія ихъ этихъ построеній и нашли, что они далеко не всегда могутъ удовлетворить мысль. Но если мы взяли на себя этотъ трудъ, то лишь въ убѣжденіи, что они стоятъ критическаго разбора. Въ нихъ много идей, иногда глубокихъ и своеобразныхъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти идеи ложны, онѣ поучительны и интересны. Онѣ могутъ будить мысль, рождать новыя идеи, наталкивать на новые вопросы. Вотъ почему сочиненія Н. Я. имѣли такое большое вліяніе на философское развитіе русскаго общества и, безъ сомнѣнія, будутъ его имѣть въ послѣдствіи. Въ настоящее время Московское Психологическое Общество по порученію вдовы Н. Я. намѣревается издать полное собраніе его сочиненій. Въ интересахъ русской философіи мы отъ души желаемъ полного успѣха этому изданію.

Н. Я. былъ не только мыслителемъ, но и выдающимся дѣятелемъ. Московское Психологическое Общество обязано ему своимъ процвѣтаніемъ, а русская философія первымъ спеціально философскимъ журналомъ. Основанное въ 1885 г. проф. М. М. Троицкимъ, Московское Психологическое Общество въ первые годы существовало почти только по имени. Но его жизнь совершенно измѣнилась, когда во главѣ его сталъ Н. Я. Изъ незамѣтнаго и малолюднаго учрежденія оно превратилось въ одинъ изъ самыхъ значительныхъ умственныхъ центровъ Москвы. Въ немъ собирались люди самыхъ разнообразныхъ убѣжденій и профессій,—метафизики и позитивисты, философы и врачи, психологи и математики, натуралисты и историки, юристы и педагоги. И Общество достигло такихъ результатовъ главнымъ образомъ благодаря личнымъ усиліямъ Н. Я. Нужно было его увлеченіе философіей, чтобы внушить интересъ къ ней такимъ разнообразнымъ и противорѣчивымъ элементамъ, и нуженъ былъ его организаторскій талантъ, чтобы съютировать и объединить ихъ.

Въ настоящее время, когда журналъ *Вопросы философіи и психологіи* существуетъ уже десять лѣтъ, его основаніе можетъ показаться очень простымъ и естественнымъ дѣломъ. Но не такимъ оно представлялось въ самомъ началѣ. Русское интеллигентное общество мало понимаетъ философію и интересуется ею только тогда, когда она отвѣчаетъ на извѣстныя злобы дня и бываетъ приправлена извѣстными практическими тенденціями. Въ немъ еще нѣтъ почвы для чисто философской работы, направленной на вѣчныя проблемы знанія и чуждой партійныхъ цѣлей. Вотъ почему, когда А. А. Козловъ предпринялъ въ 1885 г. изданіе своего *Философскаго трехтысячника*, онъ не нашелъ себѣ ни сотрудниковъ, ни читателей, и его журналъ самъ собой прекратился послѣ четырехъ выпусковъ. Когда Н. Я. задумалъ издавать *Вопросы философіи и психологіи*, нѣкоторыя газеты прямо называли его намѣреніе химерой и пророчили ему неминуемую неудачу. Нужно было большое мужество, чтобы рѣшиться при подобныхъ условіяхъ на такое рискованное предпріятіе, и нужно было много умѣнья и любви къ дѣлу, чтобы благополучно осуществить его. И дѣйствительно, если *Вопросы философіи и психологіи* возникли, имѣли успѣхъ и существуютъ до сихъ поръ, то мы обязаны этимъ преимущественно личной энергіи Н. Я., его успіямъ объединить сотрудниковъ всѣхъ направленій, его терпимости къ чужимъ взглядамъ, его умѣнью ладить съ людьми, его способности заинтересовать публику, его готовности безкорыстно жертвовать для общаго дѣла своимъ временемъ, своимъ трудомъ, даже своимъ самолюбіемъ. Этой его заслуги исторія русской философіи не забудетъ.

Всѣ лично знавшіе Н. Я. Грота сохранять о немъ самое свѣтлое воспомнаніе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ истинно симпатичныхъ людей, которые привлекаютъ къ себѣ съ перваго-же раза. Живою, отзывчивою, общительною, мягкою и благородною, онъ былъ какъ-бы созданъ для того, чтобы примирять окружающихъ и объединять ихъ для одной общей цѣли. Встрѣтиться съ такими людьми на жизненномъ пути рѣдкое счастье; терять ихъ—большое горе.

И. Соколовъ.